

30676 В. КАВЕРИН

**ДОМ
НА ХОЛМЕ**

• ИСКУССТВО •

В. КАВЕРИН

ДОМ НА ХОЛМЕ

**ПЬЕСА
В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ**

1942
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Москва — Ленинград

*Разрешение ГУРК за № 445
от 14 марта 1942 г.*

Редактор Г. Штайн

Подписано к печати 15/V 1942 г.
Л58107. „Искусство“ № 2573.
Индекс 402. Печ. л. 2^{1/2}. Уч.-изд.
л. 3,15. Знаков в 1 п.л. 52483.
Тир. 3.000.

Цена 1 р. 60 к.

Тип. „Красный печатник“ гос.
изд-ва „Искусство“. Москва, ул.
25 Октября, д. 5. Зак. № 448.

Обложка художника Ф. Константинова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Алексеевич Колыванов—53 лет,
учитель истории.

Дарья Александровна—50 лет, его жена.

Боря—16 лет, их сын, ученик девятого класса.

Галя—20 лет, их дочь } студенты ленинградского
Миша Валуев } университета.

Иван Федорович Клубиков—55 лет, врач.
Майор.

Лейтенант.

Черпаков—связной.

Цейтлин } партизаны.
Рымша }

Краус—фельдфебель.

Крамер—солдат.

Маша—40 лет, домработница Колывановых.

Соседка Колывановых в Ленинграде.

Петров—колхозник.

Милиционер.

Девочка с молоком.

Петька.

Дед.

Колхозница.

Человек в каске.

Красноармейцы, партизаны, немецкие солдаты, колхозницы.

Действие происходит в июне—декабре 1941 года в Ленинграде и области.

А К Т П Е Р В Ы Й

Жаркий летний день. Новый дом на пригорке, в сосновом лесу. Вдали — лесные холмы, река. Молодой сад с окопанными деревьями и кустами. Забор еще не кончен, и Петр Алексеевич мастерит его, строгая доски на самодельном верстаке и прилаживая их к поперечному брусу. Он — без пиджака, в высоких сапогах.

На веранде Бор-я.

Бор-я (захлопывает книгу). Нет, решено! Иду в Военно-медицинскую академию.

Колыванов. В самом деле?

Бор-я. Я знаю, ты смеешься, потому что еще вчера я собирался в Институт восточных языков. Но это было глупо, потому что все равно дипломат из меня выйдет неважный.

Колыванов. Да, ты не дипломат.

Бор-я. Положим, это еще неизвестно. Во всяком случае, как врач я сумею принести больше пользы. Именно как военный врач. Вообще все-таки жаль, папа, что на всю жизнь приходится выбирать только одну профессию.

Колыванов. А хорошо бы так: пять лет врачом, потом еще пять садоводом. Потом — хлебопеком.

Бор-я. Ну, да, ты опять смеешься! А между тем ты сам, папа, только притворяешься педагогом.

Колыванов. Вот тебе и на!

Бор я. Ясно, притворяешься. А мы на твоих уроках только и ждали, когда ты заговоришь о тактике и стратегии. Недаром в прошлом году почти весь десятый класс пошел в военные школы. Это ошибка твоей жизни, что ты педагог. На самом же деле, ты — стратег, папа. У тебя даже лицо меняется, когда ты говоришь, скажем, о стратегии наполеоновских войн. Я уверен, что даже вот это место для дачи ты выбирал с военно-стратегической точки зрения.

К о л ы в а н о в (смеется). Ну, нет... С хозяйственно-климатической. Мне понравилось, что вода под боком.

Бор я. Ты хочешь сказать водное пространство? Оно! полукругом ложится с юга. Берег — высотой не менее четырех метров, следовательно при наличии хотя бы одной батареи мы можем держать под обстрелом не только прилежащую местность, но и...

К о л ы в а н о в. Чепуха, дорогой мой! Я вижу, что мои уроки пропали даром.

Бор я. Нет, не чепуха. Ты посмотри с верхнего балкона. Тыл у нас защищен холодным покосом, верно? За ним...

М а ш а (в дверях из комнаты на веранду). Буська карточку съел!

Бор я. Как съел?

М а ш а. Эва! Одни объедки остались. (Показывает.) Еще бы! На скамейку положил сохнуть, растяпа! Еле отняла.

Бор я (с огорчением рассматривает клочки фотокарточки). Вот чорт! Ну, ладно. (Комкает и бросает.) Значит, тыл у нас защищен холодным покосом. За ним через лошину мельница, и, если мы взорвем переправу...

К о л ы в а н о в. Противник перейдет Облу вброд и атакует нас с левого фланга.

Бор я. Чорта с два! Мы первые его атакуем. Как ты думаешь, мы будем зевать, что ли?

М а ш а. Потому что его нужно купать. Ему жарко, вот он с ума и сходит.

Б о р я. Не мешай, Маша.

М а ш а. Как это, не мешай! Я уже его из лейки поливала. *(Уходит.)*

Б о р я. Иди-ка сюда, папа! *(Тащит его на веранду.)* Наши залегли вот здесь, понимаешь? А противник — вот там, видишь, где кончается просека. Ведь он не станет выходить на открытую местность. Наступление начинается не с левого фланга — это было бы слишком просто... Маленький круглый человек, нагруженный пакетами, ногой открывает калитку и заходит в сад. Это — доктор К л у б и к о в.

Папа! Иван Федорович!

К л у б и к о в. Вот так километр от станции! Шел три часа. Увяз в песке, потерял калошу. Если бы не баба... *(кладет пакеты на землю)* пропал бы, как курица... Сидел у дороги и плакал... Баба подвезла.

Б о р я *(давясь от смеха)*. Иван Федорович, зачем же вы взяли калоши?

К л у б и к о в. В Ленинграде шел дождь. Где папа?

Б о р я. Иван Федорович, неужели вы не видите папу?

Колыванов делает ему знаки, прячется.

К л у б и к о в *(надевает очки, шагает по клумбам)*. Да не вижу.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а выходит на веранду.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Мои клумбы!

К л у б и к о в. А, чорт! *(На цыпочках возвращается обратно.)*

Колыванов обнимает его.

Что такое?

К о л ы в а н о в. Ну, молодец! Приехал все-таки! Сколько лет собирался!

К л у б и к о в. Постой, постой! *(Роется в пакетах, достает вино и торты.)* Вот. И поздравляю. *(Целует его.)*

От всего сердца. (*Жмет руки Дарье Александровне.*)
Дарья Александровна!

Колыванов (*с недоумением*). Позволь, с чем ты меня поздравляешь?

Клубиков. Как с чем? (*Тычет пальцем в петлицу.*)

Колыванов. С орденом? (*Ужасаясь.*) Иван Федорович, ты уже поздравлял меня с орденом! Ты забыл, Иван Федорович.

Хохот.

Клубиков. Не может быть!

Колыванов. И торт привозил. И вино. (*Быстро развертывает бутылку.*) Тогда портвейн, а теперь шампанское.

Клубиков (*лукаво*). Чорт его знает, да! Совершенно верно. Ну и сел я, а! Первый раз в жизни. Блестательно сел.

Дарья Александровна. И ничего не сел. Очень хорошо. Мы все его по несколько раз поздравляли.

Клубиков. Нет, все-таки сел.

Дарья Александровна что-то шепчет ему на ухо. Он делает большие глаза.

Галя?

Дарья Александровна. Да, да! Так что, может статься, и ваше вино пригодится.

Клубиков. Но позвольте, Дарья Александровна! Разве Галя уже кончила школу?

Дарья Александровна. Вот это уже непростительно, дорогой мой! Она на третьем курсе.

Клубиков (*хлопнув себя по лбу*). Вот голова! Ну, тогда превосходно. Но все-таки обидно. Ведь я... Я же в поезде речь приготовил.

Колыванов. Речь скажи! Нет, речь скажи, это жалко.

Бор я. Иван Федорович, можно мне? Папа, я скажу речь, ладно? Дорогой Петр! Позволь мне от имени тех, кто некогда сидел рядом с тобой на школьной скамье, поздравить тебя с полным признанием твоих заслуг. Ты воспитал десятки поколений. Нет такой области культуры и науки, в которой не работали бы твои ученики. Подобно великому Павлову, ты сумел внушить им глубокую бескорыстную любовь к труду — первое условие любого общественного дела. Недаром...

К о л ы в а н о в. Все это не так смешно, как тебе кажется, Бор я.

Бор я (*вдруг бросается к нему*). Папа, прости! Ты обиделся, да? Ведь я шучу! Просто все эти речи похожи одна на другую. Сердишься, да?

К л у б и к о в. И самое страшное, что ведь угадал, подлец! Почти слово в слово!

Хохот.

Бор я. Товарищи, внимание! С базара идет Галина. Мама, притворяться?

Дарья Александровна. Притворяться.

Бор я. А Иван Федорович?

Дарья Александровна. Он знает.

Клубиков делает значительное лицо.

Бор я. Держу пари на десять рублей. Сперва она скажет что-нибудь о рассаде — что «тяжелая» или «не достала». А потом: «Миша не заходил?»

Дарья Александровна. Ш-ш.. Полно тебе дурачиться, Борис!

Входит Г а л я.

Г а л я. Иван Федорович приехал! Здравствуйте, дорогой! Вот здорово! Ну, теперь-то мы уже непременно пойдем по грибы. Завтра же. Ладно?

К о л ы в а н о в (*Боре*). Плати десять рублей.

Б о р я (*шопотом*). Чур, это не в счёт. Ведь ей же нужно было поздороваться, верно?

Г а л я (*ставит на пол корзинку*). Ну, мамочка, и тяжёлая же твоя рассада. А тюльпаны я не достала.

Б о р я (*отцу*). Плати десять рублей.

Г а л я. Миша не заходил?

Б о р я (*отцу*). Ещё десять!

К л у б и к о в (*стараясь притвориться*). Кто это Миша?

Г а л я (*быстро*). Миша Валуев. Вы его не знаете?

К л у б и к о в. Конечно, не знаю. Откуда же? Я его не знаю.

Г а л я (*с недоумением*). Что?

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а (*переводя разговор*). Жаль, что тюльпанов не достала. Ну, ничего. Посадим на первую клумбу левкой, а по бскам несколько лилий — и будет прекрасно. Боря, бери лейку! Живо.

К л у б и к о в. Да, Мишу Валуева я не знаю.

Боря от смеха роняет лейку. Выходит.

К о л ы в а н о в (*решительно*). Иван Федорович, пойдём ко мне. Тебе нужно отдохнуть с дороги. (*Уводит его.*)

Дарья Александровна и Галя сажают цветы. Пауза.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Мне кажется, ты в последнее время чем-то взволнована, Галя. Я ведь видела, как ты ночью бродила.

Г а л я. Я просто вспомнила, что калитка осталась открыта.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Ах, так ты и по саду бродила! То-то я слышала, как скно стукнуло. Ты здорова?

Г а л я. Ох! Мне даже, мамочка, стыдно — до того я здорова.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Так что же не спишь?

Г а л я. Прекрасно сплю. Вообще-то мне нужно будет поговорить с тобой, мама.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. О чём?

Галя. О том, что...

Боря приносит лейку с водой.

(Быстро.) В другой раз, мама.

Дарья Александровна. Сегодня, да?

Галя молча кивает головой.

Боря. Куда лить?

Дарья Александровна. Вот сюда. А теперь принеси еще. Ты вчера не поливал дерн... Смотри, как высох! Эх, ты, садовник!

Боря выходит, размахивая пустой лейкой.

(Негромко.) Галя, а, может быть, сейчас?

Галя (не глядя). Нет, мамочка, потом.

Дарья Александровна. Ну, хорошо. Ты кончай, а я пойду. Нужно Ивана Федоровича чаем напоить. И ты еще не пила. (Уходит.)

Галя (одна). Ну, как это сказать? «Мама, я выхожу замуж». Нет. Или начать с Миши: «Мамочка, что ты думаешь о Мише?» Нет. Вообще, почему-то страшно. Хоть бы она сама догадалась. Так нет же. Ни она, ни папа,—никто не догадывается. (Работает. Пауза.) Честное слово, прежде это было гораздо проще. Являлся жених и говорил: «Прощу руки и сердца». Я могла в это время делать вид, что это меня вообще не касается. Или засылали сватов. Вот сваты! Превосходная вещь. (Работает.) Мне нужно быть более сдержанной с ним. Чтобы он не думал, что я без него не могу прожить ни одной минуты. А то получается, что я без него действительно не могу, а он может. Нет, баста. Вот он сейчас придет, и я даже не тронусь с места.

Миша открывает калитку. Галя бежит к нему.

Миша. Где Дарья Александровна?

Галя. А что?

Миша. Скорее, чорт возьми! Они расползутся.

Галля. Кто расползется?

Миша. Да раки же! Я купил двести раков. Вот! (*Показывает сетку, из которой торчат раки.*) У мальчишек. И только купил, как они стали лезть через все прорехи. У мальчишек не лезли, а у меня почему-то лезут. Я уже и травой их душил и уговаривал. Ничего не помогает! Давай таз.

Галля бежит за тазом. Боря появляется на веранде.

Борька, нарви-ка крапивы. Они любят крапиву.

Боря. Позволь, причем тут крапива? Это когда их варят, в воду кладут крапиву.

Миша. Разве? (*Поднимает одного рака за клешню.*) Хороши, а? Кажется, Петр Алексеевич любит раков?

Входит Галля с тазом, за ней Дарья Александровна.

Дарья Александровна. Здравствуйте, Миша.

Миша. Здравствуйте, Дарья Александровна. Раки!

Дарья Александровна. Вот и прекрасно! Как раз к завтраку.

Миша. Дарья Александровна, а можно мне посморгеть, как вы будете их варить?

Дарья Александровна (*смеется*). Конечно, можно! Я вас позову. Пошли, Боря!

Уходят.

Миша (*шопотом*). Сказала?

Галля. Нет. Вообще я решила, что ты сам должен сказать ей об этом. Или папе. Ведь это твоя инициатива, верно?

Миша. Моя.

Галля. Ну, вот, ты и скажи.

Миша. Да я бы сказал, понимаешь... Не знаешь, с чего начать. «Прошу руки и сердца», что ли?

Галля. Вот именно.

Миша. Нет, это глупо. Ты мне сегодня снилась.

Г а л я. Ну да?

М и ш а. Будто мы куда-то мчимся на санях, снег скрипит, луна, и ты сидишь рядом, закутанная, и все прячешь лицо в муфту от ветра. Потом что-то говоришь, а я не слышу ни слова. «Что, что?» Тогда ты опускаешь муфту, и я вижу, что это не ты, а какая-то другая. Может быть, и ты, но совсем другая. И я тогда прыгаю прямо в снег с саней и бегу куда-то. Снег прямо в лицо, сплит, а я бегу и кричу: «Галя, Галя!»

Г а л я. А потом?

М и ш а. Что потом?

Г а л я. Нашел меня?

М и ш а (берет ее за руки). Нашел. (Целует.)

Г а л я. Постой, теперь поговорим серьезно. Вот что: С папой поговоришь ты. А с мамой — я. Ладно?

М и ш а. Лучше наоборот.

Г а л я. Нет, мне с мамой как-то легче.

М и ш а. Мне тоже.

Г а л я (вздыхнув). Не знаю, за что я тебя полюбила.

М и ш а. А я знаю.

Г а л я. Ого! Ты знаешь! Ну, за что?

М и ш а. За то, что я бросил коробку конфет в Фсн-танку.

Г а л я (смеется). Да. Я совсем забыла. А почему ты бросил?

М и ш а. Потому что ты сказала, что это пошлость — приходиться на свидание с конфетами.

Г а л я. Да. И ты размахнулся и бросил. Чорт возьми! Это было все-таки здорово. А хорошие были конфеты?

М и ш а. Эстампэ.

Г а л я. Эстампэ? Сорок три рубля кило. Нет, я вижу, что все-таки недаром влюбилась. Меня это так поразило, что ты ничего не сказал, размахнулся и бросил. Жалко, все-таки. Знаешь, когда это было? Двадцать третьего марта. Я помню все числа, когда мы встречались.

Миша. А я не помню. Мне всегда казалось, что это какая-то одна длинная, счастливая встреча.

Галя. В Большом Михайловском — помнишь, когда мы прятались от сторожа в деревянной эстраде, где были навалены скамейки, — это было через четыре дня, двадцать седьмого марта. А у Инженерного — первая встреча второго апреля, и потом все пошло у Инженерного — третьего, пятого, седьмого. Весь апрель.

Миша целует её.

Дарья Александровна (*выглянув на веранду*).
Варю!

Галя и Миша с виноватым видом отскакивают друг от друга.

Миша. Иду, Дарья Александровна! Галя, пошли! Ты-сачу лет не видел, как варят раков.

Уходят. Входит Маша со скатертью и посудой.

Маша (*накрывает на стол*). Господи, и куда торопится! Пожила бы еще с матерью-то. И забот бы не знала. (*Уходит и возвращается с самоваром.*) Парень хотя ничего, славный. Не то, что этот кучерявый ходил. Придет, намусорит. Никогда «здрости» не скажет. А этот хороший. (*Уходит.*)

Клубиков и Кольванов появляются на веранде.

Клубиков. Мы с тобой знакомы уже тридцать лет... Да нет, чуть не сорок! Я всегда куда-то торопился. И, в конце концов, прожил беспорядочную, одинокую, холостую жизнь. А ты никуда не торопился, и всегда у тебя в жизни была ясная цель. До революции — революция, и ты стремился к ней вместе с тысячами других революционеров. А после революции — народное образование, школа. Ты — политический человек, вот в чем дело. А я — нет. Именно поэтому у меня не удалась жизнь. А у тебя удалась.

К о л ы в а н о в. Чем же так уж особенно удалась?

К л у б и к о в. У тебя прекрасная семья, ты занимаешься любимым делом... Наконец, ты — здоров. Смотри, в свои пятьдесят три года ты прыгаешь, как мячик. Небошь, до сих пор гимнастикой занимаешься?

К о л ы в а н о в. Занимаюсь.

К л у б и к о в. А я не занимаюсь. Я потолстел, обрюзг, все забываю.

К о л ы в а н о в. Почему ты считаешь, что у меня в жизни так уж все удалось? Я, например, в юности мечтал о военном деле. Меня и теперь еще ребята дразнят стратегом. Вообще, брат, жизни не закажешь.

К л у б и к о в. Вот и это чувство, что должно что-то случиться — у меня его нет. У меня нет даже самого чувства движения. Мне все кажется, что я, как рыба в аквариуме, — сплю не сплю, а лежу в воде с открытыми глазами. А у тебя, я знаю, наоборот. Ты чувствуешь движение — и вокруг себя и в самом себе. Вот ты только что сказал мне в кабинете, что сейчас вокруг нас мир и покой, а вдруг все может сорваться и полететь куда-то, и окажется, что ты не напрасно рассказывал своим ученикам о полковнике Фуллере и тотальной войне. А мне кажется — напрасно.

К о л ы в а н о в. Ну, нет! Во-первых, это очень интересно. А во-вторых, кто знает, может быть, и пригодится.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Дети, завтракать! Иван Федорович, Петр, садитесь!

К л у б и к о в. Вот — дети! И какие дети!

Входят Б о р я, Г а л я, Миша.

Миша. Здравствуйте, Петр Алексеевич.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Познакомьтесь, Иван Федорович. Это Миша Валуев.

К л у б и к о в. Ах, Миша! Очень рад. *(Приветствует)*

его с такой сердечностью, что Миша с недоумением отступает.) Очень рад!

Г а л я. Вы знакомы?

К л у б и к о в. Нет еще. (Сажает Мишу рядом с собой.) Студент, да?

М и ш а. Да.

К л у б и к о в. Медик?

М и ш а. Нет, математик.

К л у б и к о в. Математик! Очень хорошо. Никогда ничего не понимал в математике. Небось, на третьем курсе?

М и ш а. Н-нет...

К о л ы в а н о в. Миша, да хвастайте же, черт возьми! Нельзя быть таким скромным. Иван Федорович, ему двадцать два года, он кончает университет и в этом году получил сталинскую стипендию. У него уже три научных статьи и последняя вызвала шум в Академии наук, — не больше не меньше. Вот, брат! Вспомни, как мы с тобой мыкались в двадцать два года!

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а приносит раков.

Что я вижу? Раки!

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Миша принес.

К о л ы в а н о в. Неужто сам наловил?

М и ш а. Ну, что вы, Петр Алексеевич! Просто купил у мальчишек.

Б о р я (с набитым ртом). Врет, сам!

М и ш а (толкает его под столом). Молчи!

Б о р я. Сегодня всю ночь, засучив штаны, ловил раков.

М и ш а (краснея). Да ничего подобного!

Б о р я. И все потому, что папа сказал, что очень жаль, что мальчишки в этом году долго не несут раков.

К о л ы в а н о в. В самом деле? Миша, это правда?

М и ш а. Да нет, Петр Алексеевич! Правда, я несколько штук поймал утром, когда купался...

Бор я. Несколько штук! Он поймал сто тридцать. А я — пятьдесят два.

Хохот.

Колыванов. Так вы вдвоем ловили?

Бор я. Ага! До чего интересно! Иван Федорович, пойдете сегодня ночью на Оредеж ловить раков!

Клубиков. Пойдем, милый. Меня вы можете пустить вместо приманки.

И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

Дарья Александровна. Вот своевременные стихи! Как раз к завтраку!

Клубиков. Ох! Опять сел! Простите, Дарья Александровна! Больше не буду!

Все дружно принимают за раков. Пауза.

Галя. Товарищи, знаете, что я вам скажу? Я выхожу замуж.

Хохот.

Не понимаю, что тут смешного? Я говорю совершенно серьезно. Мишка, ну, что же ты молчишь?

Миша (запинаясь). Петр Алексеевич, это вышло неожиданно. Но мы все равно собирались поговорить с вами... и с Дарьей Александровной. В общем, это именно так: Галя выходит замуж. То есть мы решили пожениться. Сперва мы хотели отложить, пока я кончу, а потом...

Колыванов. Ну, что мне вам ответить, Миша? Я вас давно полюбил, и Даша еще вчера мне сказала, что лучшего мужа для Гали и не желает. Рановато, пожалуй, да что же делать? Только чур — условие! Жить будем вместе.

Галя (целует его). Папочка, дорогой! Так вы с мамой все знали?

Клубиков (Боре). Тащи шампанское!

Миша. Дарья Александровна, помните на-днях мы с вами что-то делали в саду и вы стали рассказывать, как

Петр Алексеевич вас увез и как его в тот же вечер арестовали. Я еще тогда хотел вам сказать — и даже первое слово приготовил...

Дарья Александровна. Ну, и что же?

Миша. Вы так интересно рассказывали, и у вас все было так необыкновенно... А у нас все так просто. Я и решил.

Дарья Александровна крепко целует его.

Боря приносит шампанское, ставит на стол торты. Убегает.

Клубиков. Теперь позвольте мне сказать несколько слов. Вы видите перед собой человека, который как раз не женился. И очень может быть, я не женился потому, что никогда еще не видел такого полного счастья, такой радости жизни, как сейчас, в эту минуту. Это — прекрасная минута, и если бы можно было остановить ее...

Боря возвращается с аппаратом.

Боря. Иван Федорович, немного левее. Папа, ты сяди поближе к маме... Миша, опусти бутылку пониже... Вот так...

Дарья Александровна. Боря, замолчи же! Мы слушаем Ивана Федоровича!

Клубиков. И если бы можно было остановить ее...

Боря (*щелкает*). «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» (*Щелкает еще раз.*) А теперь немного музыки (*Включает радио.*)

Голос. Граждане и гражданки Советского Союза...

Пауза. Все застывают с бокалами в руках.

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: сегодня в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах...

ЗАНАВЕС

А К Т В Т О Р О Й

В том же доме. Большая комната, дверь выходит на веранду. Осень. Сумерки августовского дня. Время от времени слышна канонада — свист и разрывы снарядов. В комнате беспорядок, открытые чемоданы, разбросанные вещи. Дарья Александровна и Галя.

Дарья Александровна. А Бори нет как нет.

Галя. Он скоро придет, мама.

Дарья Александровна. Какую-то ерунду уложили, а то, что нужно, не уложили. Я все-таки решила взять валенки. Кто знает, когда мы вернемся?

Галя. Валенки? В такую жару?

Дарья Александровна. Нет, нужно. *(Бросает валенки на пол. В отчаянье.)* Господи, ведь я все это уже один раз уложила!

Галя. Mamочка, знаешь что... Приляг хоть на полчаса. И съешь что-нибудь. Ты два дня ничего не ела.

Дарья Александровна. Не могу... У меня в горле останаавливается. Проглотить не могу. Где Маша?

Галя. Ты сама ее только что к Сапожковым послала.

Дарья Александровна. Зачем?

Галя. Не знаю. *(Открывает дверь на веранду. За рево.)* Жемчужино горит.

Дарья Александровна. Опять горит! Мне иногда кажется, что все это сон. Эти пожары вокруг, и выстрелы, и что нужно бежать куда-то! (Снова принимается укладывать вещи.) А Бори все нет...

Галя. Ведь он совсем недавно ушел, мама.

Дарья Александровна. Разве недавно? У него ботинки дырявые, а калоши все равно не наденет. Сколько раз я говорила, чтобы снес к сапожнику. Так и не собрался.

Галя. Ты думаешь, Боря уйдет с нами?

Дарья Александровна. Да кто же ему позволит остаться!

Галя (поспешно). Конечно, мама.

Дарья Александровна. Еще на прошлой неделе нужно было уйти — когда было сказано, чтобы жители уходили. Только мы одни остались да Сапожковы.

Галя. Ты хочешь сказать, что вы остались из-за меня, мама?

Дарья Александровна (обнимает ее). Галя, Галя! Неужели ты думаешь, что я тебя виню, голубушка, ты моя? Неужели я не волнуюсь за Мишу? Да я бы даже всю жизнь его здесь дожидаться.

Галя. Я знаю.

Дарья Александровна. У Наташи Сапожковой полтора месяца не было писем от мужа, а вчера получила — и что же? Жив и здоров.

Галя. Мы условились писать каждый день.

Дарья Александровна. А вот увидишь — через две недели вы с Мишей встретитесь в Ленинграде. (Вынимает из чемодана вещи.)

Галя. Что ты делаешь?

Дарья Александровна. Зачем мне скатерти когда все равно все останется?

Галя (удерживает ее). Подожди, мама...

Дарья Александровна (вдруг садится, с ужасом). Галя, где Боря?

Входит Маша.

Маша. Они Тузика с собой берут.

Дарья Александровна. Как с собой?

Маша. Не хотят, чтобы немцам достался. Посуду бьют. Совсем ошалевши. Лучше бы Кондратьевым отдали.

Дарья Александровна. Что же отдавать, все равно немцы ограбят.

Маша. Ай закопали бы!

Входит Боря с охотничьим ружьем на плече.

Дарья Александровна. Наконец-то! А папа? Где он?

Боря. Он скоро придет. Там какое-то заседание в исполксме, он вышел и сказал, чтобы мы... чтобы вы укладывались. Иван Федорович на станции. Вот что, мама... (Глядя в сторону.) Сейчас к нам зайдет майор, так что ты, пожалуйста... Ты при нем не говори со мной, как будто мне два года. (Выходит и возвращается с майором.)
Пожалуйста, товарищ майор.

Майор (останавливается на пороге). Извините.

Дарья Александровна. Зайдите, пожалуйста.

Боря. Вот посмотрите, товарищ майор. — Этот дом стоит как бы на полуострове. Водное пространство по кругу ложится с юга. (Тащит майора за рукав то к одному, то к другому окну.) Берег здесь высотой не менее четырех метров. Если поставить в саду хоть одну батарею...

Дарья Александровна (невольно). В саду!

Боря. Подожди, мама! С тыла у нас холодный покос. Собственно, это болото, но здесь такие болота называются холодным покосом. Нечто вроде заливного луга. За ним, через лощину, мельница, и, если взорвать мост...

Майор. Речка неглубокая, ее можно перейти вброд.

Боря (горячо). Мансанарес тоже можно было перейти вброд, однако Мадрид держался два с половиной года!

Майор (улыбнувшись). Ну, ну! Дальше.

Боря. Вы не знаете этого озера, товарищ майор. Когда на мельнице открывают шлюз, оно за несколько часов мелеет, а в реке становится воды по горло.

Майор (отведя его в сторону). Это ваша мать, Боря?

Боря. Да. И сестра.

Майор. Почему они еще не ушли?

Боря. Это ничего. Они сейчас уйдут. Они не помещают.

Майор. Да нет! Я спрашиваю, почему они еще здесь, когда немцы чуть не в трех километрах?

Боря. Они ждали... То есть мы все ждали одного командира. Сестра замужем за одним командиром. Он все время был здесь, то есть близко, под Стругами. Валуев... Вы, может быть, его знаете?

Майор. Нет. Им нужно уйти отсюда. (Спохватившись.) И тебе вместе с ними. Вот тебе поручение, Боря: собрать своих — и айда! А за советы — спасибо.

Боря (немного обидясь). Хорошо, товарищ майор. А ведь правда, дом расположен очень удобно со стратегической точки зрения?

Майор (улыбнувшись). Да.

Боря. Вот пройдемте наверх, товарищ майор. У меня есть один план. Собственно это не мой план, его мне подсказал папа. Дело в том, что, если отвлечь внимание немцев ложной переправой...

Выходят.

Дарья Александровна. В саду — батарея! Наши бедные клумбы!

Галля. Оставь, мама! Какие там клумбы!

Маша спокойно работает во время этого разговора, пришивает лямки к запячному мешку, примеряет его сперва на себе, потом на Гале.

Маша. Второй день обед стоит. Телятину-то с собой можно взять. Суп жалко, хороший. И так Буське полкастрюли вылила. Галя, поешь.

Дарья Александровна. Галя, что же делать с Буськой?

Входит Колыванов, и в ту же минуту где-то рвется снаряд. В соседней комнате со звоном вылетают стекла.

Колыванов. Торопят, черти!

Дарья Александровна (с отчаянием). Ничего еще не готово!

Колыванов. Как не готово? Это только кажется, а на самом деле все готово! Ну-ка, давай сюда мешок. Это чей, Галин? (Кладет в мешок белье.) Полотенце и мыло! Живо! Так. А валенки мы привяжем сверху. (Пробует мешок на вес.) Хорош! Теперь в каждый мешок — соль, спички, сахар.

Дарья Александровна. Зачем же соль-то?

Колыванов. Живо!

Дарья Александровна бежит за солью.

(Шопотом.) Вот что, Галя... Я при маме не хотел говорить. Корпово занято, наши отступили к Истомицам.

Галя. Корпово?

Колыванов. Где Борис?

Галя. Он пошел наверх с каким-то военным.

Колыванов. Позови его. Хотя, постой... Маша, пойдите на кухню.

Маша выходит.

Устрой, чтобы мама ушла куда-нибудь.. На четверть часа. Мне нужно поговорить с тобой.

Галя (шопотом). Хорошо, папа.

Колыванов. И с Борей.

Входит Дарья Александровна.

Дарья Александровна. Почему ты свои бумаги не разобрал? Так все и лежит, как лежало.

Колыванов (*укладывая вещи*). Ничего, разберем... Все разберем, все устроим. Это что, соль? А мешки пошили?

Дарья Александровна (*с отчаянием*). Ничего не пошили.

Колыванов. Даша, ну-ка посмотри на меня.

Дарья Александровна. Что такое?

Колыванов. А то, что, если ты сейчас же не возьмешь себя в руки, я тебя побью, честное слово.

Галя (*поспешно*). Мамоchка, тут Ксения Ивановна за тобой приходила.

Дарья Александровна (*мужу шопотом*). Ну, прости. Я больше не буду. (*Гале.*) Зачем?

Галя. Хотела посоветоваться, что брать с собой из съестного.

Дарья Александровна (*спокойно*). Хорошо, найду к ним. Скажи Маше, чтобы она твой мешок дошила. (*Выходит.*)

Галя (*переждав минуту, выходит на лестницу*). Борис!

Новый удар снаряда. Галя невольно бросается за матерью.

Колыванов (*останавливает ее*). Это далеко!

Боря (*сбегает вниз*). Слышали, как ахнуло? Папа, это из тяжелого, верно?

Колыванов. Поди сюда. (*Обнимает детей за плечи.*) Вот что, ребята... Я остаюсь здесь.

Боря. Я так и думал.

Колыванов. Сегодня вечером отряд отправляется в Струги. Вот и все. Маме я скажу, что через два-три дня буду в Ленинграде.

Боря. Я иду с тобой.

Колыванов. Нет, милый.

Боря. Я знаю все дороги вокруг. Я хорошо стреляю. Мне уже шестнадцать лет, папа.

К о л ы в а н о в. Ты поедешь с ними, Борис. Ты сделаешь это для меня. Мне будет легче.

Б о р я. Тебе будет легче, если ты возьмешь меня с собой, папа. Ну, прошу тебя! Все равно, мне скоро в армию. Хочешь, я сделаю это сам? Кого нужно просить, чтобы меня взяли? Кто командир отряда?

К о л ы в а н о в. Я — командир отряда.

Г а л я. Ты, папа?

К о л ы в а н о в. Ш-ш... Мама идет. Ни слова! (Как бы продолжая разговор.) А насчет Миши ты напрасно беспокоись, Галя. Ну, хочешь, я дам тебе слово, что он жив и здоров?

Входит Дарья Александровна.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. И я ей то же самое говорила.

К о л ы в а н о в. Конечно, он в опасности, но, может быть, не в большей, чем мы сейчас, в этом доме. Издалека все кажется страшнее.

Орудийный выстрел.

Ну, пора! Боря, ты берешь ружье? Не забудь поставить на предохранитель.

Б о р я (шопотом). Папа, разреши мне итти с тобой.

К о л ы в а н о в (помогает ему надеть мешок). Молчи, Боря.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Неужели мы вот так и уйдем? Сейчас уйдем из нашего дома и, может быть, никогда не вернемся?

К о л ы в а н о в. Мы вернемся.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. И все останется здесь — этот дом, который мы построили на старости лет и думали жить здесь с детьми, и сад! Каждый куст посадили своими руками.

К о л ы в а н о в. Даша. Даша!

Дарья Александровна. Ничего, ничего. Я молчу. *(Сдерживает слезы.)* Ну, идемте. Где Маша?

Маша *(в дверях, закутанная, с двумя мешками через плечо.)* Тут я.

Колыванов вдруг целует Галю.

Дарья Александровна. Что ты?

Колыванов. На всякий случай. Борис, ты... Помнишь, о чем мы с тобой говорили?

Боря. Да, папа.

Колыванов. Ну, давай руку! *(Крепко жмет его руку.)* Дорогие мои! *(Обнимает их всех сразу.)* Ну, пойдете.

Все уходят. Комната пуста. Тсоопливые голоса доносятся из сада. Там устанавливают батарею. Майор появляется в дверях, ведущих на веранду.

Майор *(спиной к зрителям)*. Беги в медсанбат, пускай придут с носилками. Живо!

Бойцы ведут под руки раненого связного. Он без сапог, мокрый до пояса, в одной рубашке.

Откуда?

Связной *(пытаясь выпрямиться)*. От командира дивизии...

Майор. Что приказал командир дивизии?

Связной молчит.

(Громче.) Что приказал командир дивизии?

Связной молчит. Бойцы усаживают его на диван, он медленно клонится вперед.

Один из бойцов. Сомлел, товарищ майор, не слышит.

Майор *(выходит на веранду)*. Черпаков!

Голос. Я!

Майор. Врача! Живо! *(Вернувшись.)* Где тут вода, чорт возьми?! *(Наливает в стакан воды, дает раненому.)*

Вода льется на пол.

Другой боец. Не пьет... Зубы зажавши.

Входит врач.

Майор. Связной с донесением. Не успел сказать. Это обморок, доктор?

Врач осматривает раненого. Пауза.

Ну?

Врач. Умер.

Майор выбегает на веранду. Слышно, как он торопливо приказывает что-то.

Санитары выносят связного.

Комната преобразается во время этого эпизода. Бойцы затемняют окна, зажигают свет, прибирают разбросанные вещи. Затапливают печь, ставят в нее котелок с мясом. Выдвигают стол на середину комнаты. Вернувшись, майор разворачивает на нем карту.

Второй связной (в дверях веранды). Здесь штаб?

Майор (не поднимая головы). Здесь политотдел, штаб в соседнем доме.

Дежурный (в дверях веранды). Товарищ майор, разрешите доложить: часовой задержал какого-то человека. Пропуск не знает.

Клубиков (высовываясь из-за его плеча). Дарья Александровна, я забыл деньги. Где она?

Майор. Кто вы такой?

Клубиков. Позвольте... Я не понимаю... Что это значит? Здесь была Дарья Александровна и дети.

Майор. Ваши документы?

Клубиков. Пожалуйста, вот. (Роется в карманах.)
Ах, да! Они в портфеле! (Ищет портфель. С ужасом.)
Где мой портфель?

М а й о р. Черпаков?

Входит румяный, круглолицый, добродушный парень — с в я з н о й майора.

Обыскать!

К л у б и к о в. Пожалуйста.

Черпаков выворачивает на нем карманы. Из одного падает стетоскоп, из другого — докторский молоточек.

Вы видите, товарищ майор, я — доктор. Мы уезжаем, то есть, уезжают Колывановы, а я с ними. Я поехал вперед и забыл дома деньги.

Черпаков выворачивает средний карман, из которого падают деньги.

Что это?

М а й о р (поднимает). Это деньги.

К л у б и к о в (обрадован). Ну, скажите пожалуйста!

М а й о р (Черпакову). В особый отдел.

Черпаков. Есть, товарищ майор.

К л у б и к о в. Как в особый отдел? Меня ждут! У меня нет ни одной свободной минуты.

Майор не слушает его. Снова над картой.

Черпаков. Идемте, гражданин. (Ведет его и в дверях сталкивается с Борей.)

Б о р я. Иван Федорович, вы здесь?

К л у б и к о в. Боря! Товарищ майор, этот мальчик может подтвердить, что я говорю правду.

Б о р я. Что случилось?

К л у б и к о в. Меня задержали.

Б о р я. Товарищ майор, это — доктор Клубиков. Он гостил у нас. Его все знают.

М а й о р. Верю. Но у доктора нет никаких документов.

Б о р я. Он очень рассеянный, товарищ майор. Иван Федорович, ведь мама на моих глазах положила в портфель ваш паспорт.

К л у б и к о в (убитым голосом). Я забыл портфель на подводе.

Б о р я. Товарищ майор, по-моему, вы отпустите его, а? Его там ждут, волнуются, нужно ехать.. Вы знаете, станцию здорово обстреливают. И вот что странно: осколочными снарядами, в то время, как там масса женщин с детьми. По-моему, это просто подло!

К л у б и к о в. Боря!

Б о р я. Ах, да! Иван Федорович, вы можете идти. Товарищ майор, вы его отпускаете?

М а й о р. Пусть идет. Но без паспорта его снова задержат.

Б о р я. Ничего, добежит.

К л у б и к о в. А ты, Боря?

Б о р я. Я? Я догоню вас. Или вот что: скажите маме... Хотя, нет!

Майор возвращается к карте.

Ш-ш, мы мешаем. Я напишу ей записку.

К л у б и к о в. Какую записку? Ты пойдешь со мной, слышишь, Боря!

Б о р я (торопливо пишет записку и тут же рвет ее). Нет.

К л у б и к о в. Я без тебя никуда не пойду.

Б о р я. Но я же сказал, что догоню вас.

К л у б и к о в. Нет, нет, нет! Никаких!

Б о р я. Ну, хорошо. Идемте.

Выходят.

М а й о р (над картой бормочет). Оч-чень интересно. Оч-чень интересно.. Трам, трам... Очень превосходно!

Входит лейтенант—командир батареи.

Л е й т е н а н т. Товарищ майор, все готово. Можно начинать.

М а й о р. Поди-ка сюда. А ты знаешь, куда стрелять?

Л е й т е н а н т. Приказ — подавить огневые точки противника на левом берегу Облы.

М а й о р. Ну, правильно. А ты знаешь, что говорят здешние люди? Если на мельнице открыть шлюз, вода из озера выйдет в речку. Вброд они ее не перейдут, а пока станут наводить понтоны...

Л е й т е н а н т. Понятно, Виктор Андреевич. Нужно разбить плотину.

М а й о р. Вот именно. Начнем ровно в двадцать.

Л е й т е н а н т выходит.

Черпаков!

Черпаков (*который пробует картошку, от неожиданности роняет ее на пол*). Я!

М а й о р. Я иду в батальон.

Черпаков. Виктор Андреевич, поешьте картошки.

М а й о р. Некогда сейчас. (*Уходит.*)

Черпаков (*гонится за ним*). Виктор Андреевич, вам всегда некогда. Картошка горячая. Виктор Андреевич!

Гишина. По углам спят на шинелях бойцы. То отдаляется, то приближается гул артиллерийской дуэли. Из внутренней двери выходит на цыпочках Боря.

(*С набитым картошкой ртом.*) Кто такой?

Б о р я. Ах, это вы? Вы, кажется, связной. Я хотел поговорить с майором.

Черпаков. Он ушел.

Б о р я. Вот досада!

Черпаков. А в чем дело?

Б о р я. Видите ли... Я хотел просить, чтобы он взял меня в батальон.

Черпаков. Это возможно.

Б о р я (*обрадованно*). Вы думаете? Между прочим, я хорошо знаю винтовку, а из мелкокалиберной на район

ном состязании выбил сорок семь из пятидесяти возможных.

Черпаков. А это что за ружье?

Боря. Это — специально сторожевое.

Черпаков. Берданка?

Боря (снимает). Нет, очевидно, переделанное из старой австрийской винтовки. Я его на Литейном купил, когда мы строили дом. А патроны сам набил. Оно, между прочим, здорово бьет. Только, понятно, дробью.

Черпаков. А это ваш дом?

Боря. Наш.

Черпаков. Большая жилплощадь.

Боря. Да, так ведь у нас и народу много. Отец, мать, сестра, потом муж сестры, — он сейчас на фронте, — потом вот этот доктор, которого вы задержали. Он все лето у нас жил. И вообще у нас всегда было много народу. Мой папа учитель.

Черпаков. Вот что!

Боря. Да, и к нему часто приходили ребята из школы. Потом приезжали старые ученики, которые давно кончили школу. Между прочим, у него один ученик — герой Советского Союза. Капитан Головня. Он тоже приезжал и как раз спал на этой кушетке.

Черпаков. Ага! Картошки хочешь?

Боря. Нет, что вы. Хотя... (Ест картошку.)

Черпаков. Соль.

Боря. Соль-то у меня есть. (Достает из мешка пирожок.) Берите. Это с вареньем. Я люблю с вареньем. (Едят.) Как вы думаете, мне сразу спросить у майора насчет оружия?

Черпаков. Насчет оружия — надо в медсанбат.

Боря. Почему в медсанбат?

Черпаков. Как кто умрет — остается оружие.

Боря (неприятно поражен). Ах, вот что! А я думал, все дадут.

Черпаков. Ничего, и со старого постреляешь.
Боря. Ну, конечно, Не все ли равно!

Стенные часы начинают бить, и с последним ударом раздается первый выстрел из орудия, стоящего очень близко от дома. Плащ-палатка, которой прикрыта стеклянная дверь веранды, срывается, и зритель видит сад, на мгновение освещенный голубоватой вспышкой.

Черпаков (*снова завешивая дверь*). Наши начали.

Неясный шум доносится издалека.

Боря. Что это?

Черпаков. Танки.

Кто-то сильно стучит в дверь, потом с силой рвет ее.

Третий связной (*в дверях*). Где товарищ майор?

Черпаков. На К П Откуда?

Третий связной. От командира дивизии.

Шум боя приближается с возрастающей быстротой. Снаряды рвутся в саду. Один из бойцов, сразмаху влетевший в комнату, стряхивает с гимнастерки землю.

Первый боец. Как водой обдало! Вот дьявол!

Черпаков (*связному*). Пошли на К П

Боря. Я с вами.

Черпаков. Нет, ты тут сиди. Там, брат, жарко.

Черпаков и связной выходят, и сразу же бойцы начинают тащить в комнату пулеметы — один, другой, третий.

Первый боец. Два велел поставить наверх. Как тут пройти наверх, ребята?

Боря. Сюда, сюда! Постоите, я открою двери! (*Открывает обе половинки двери.*) А этот куда?

Второй боец. И этот наверх.

Боря. Ага, должно быть, в папин кабинет! Понятно.

(Помогает. Вместе с бойцами скрывается за дверями, ведущими на лестницу.)

Бойцы заваливают окна матрацами и подушками.

Второй боец *(дает очередь из пулемета)*. С комсомольским приветом!

Ответные выстрелы. Со звоном летят стекла. Картина боя открывается на мгновение через распахнувшуюся дверь балкона: дымное зарево над холмами по ту сторону реки, срезанные, голые стволы деревьев. То здесь, то там полоски трассирующих пуль над темной оской. Тонкий серп луны в быстро проносящихся облаках, освещенных снизу. Возвращается Боря.

Боря. Ух! Как красиво!

Первый боец. Слышь! Закрой-ка дверь!

Боря. Сейчас. *(Идет на веранду.)*

Второй боец. Куда?

Боря *(с веранды)*. За водой!

Третий боец. Отчаянный парень.

Рев доносится издалека.

Первый боец. Идут, сволочи! *(Встает, чтобы закрыть дверь.)*

Черпаков, вбежавший в эту минуту, предупреждает его.

Голос. Ну, как третий?

Черпаков. Ничего третий... *(Молча пристраивается к первому бойцу, лежащему у окна за пулеметом, потом, вспомнив о картошке, вскакивает, бежит к печке.)*

Четвертый боец. Дай-ка картошинку...

Черпаков. Лози!

Боря молча проносит через комнату ведро с водой. Возвращается.

(Ласково.) Эй!

Боря. Ах, вы здесь? А я за водой ходил. Мне скажи, что, может быть, потом будет нужно.

Страшный удар, от которого срывается с петель дверь, потрясает дом.

Черпаков. К печке ложись! Ложись, я тебе говорю!

Боря. Да я не боюсь нисколько.

Черпаков. Я знаю, что ты не боишься. Ложись!

Рев все ближе.

Боря. Это что?

Черпаков. Немцы.

Боря. Да нет же! Кто-то ревет.

Черпаков. Они и ревут. Должно быть, в атаку пошли. Ничего, их там встретят. Что, брат, испугался?

Боря. Нисколько. Просто неприятно.

Черпаков. А картошки хочешь? *(Встает, чтобы взять из котелка картошку, делает шаг. Звенит стекло. Он делает еще несколько быстрых, неровных шагов и падает лицом вниз на пол.)*

Боря. Послушайте, что с вами?

Первый боец *(осторожно перевертывая его на спину)*. Черпаков! Ты ранен? Черпаков?

Наверху начинают стрелять. Пауза.

Боря. Что с ним?

Первый боец. Убит.

Боря. Убит! *(Бежит к Черпакову, становится рядом с ним на колени.)* Да нет же! У него глаза открыты. *(Берет Черпакова за руку. Рука падает. Невольно вскрикивает.)*

Первый боец *(с досадой)*. Эх! Пошел бы ты куда-нибудь отсюдава... Что ты тут, честное слово!

Боря медленно встает с колен. Винтовка Черпакова лежит на полу.

Он поднимает ее и молча ложится у окна на место Черпакова.

Второй боец *(протягивает ему обойму)*. На.

Ослепительный свет вдруг становится виден сквозь все щели разбитых окон. Ракета. В то же мгновение пуля попадает в лампочку.

Полумрак.

Первый боец. Лампу разбил, черт! Это худо.

Боря. Постойте, я вывинчу из кухни. *(Бежит на кухню, возвращается и, встав на стул, вынимает разбитую лампочку.)*

Голос майора в саду. Боря замирает на месте.

Голос майора. Товарищи бойцы! Вы слышите меня? Третий батальон отбил атаку противника. Наши орудия разбили плотину.

Боря. Разбили плотину! Ура! Я говорил, что нужно разбить плотину.

Голос майора. За родину, за Сталина, вперед!

Боря. Вперед! *(Прыгает на пол, останавливается, несколько секунд стоит неподвижно, потом медленно поворачивается лицом к зрителю. У него удивленное, бледное лицо. Рука поднимается к плечу, падает. Он садится на пол.)*

Бойцы. За родину! За Сталина, вперед!

Подушки и матрацы отброшены. Бойцы прыгают в окна. Пауза.

Комната пуста. Лампа еще раскачивается.

Колыванов выходит из внутренних дверей.

Колыванов. Боря!

Боря смотрит на него, пытается встать.

(Поднимает его на руки.) Что ты наделал?! Милый ты мой! Что ты наделал?

ЗАПАВЕС

А К Т Т Р Е Т И Й

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Угол Фонтанки и Невского проспекта. Конусообразные деревянные щиты у витрин аптеки. В глубине — перспектива Невского. Над зданием Адмиралтейства — утреннее, розовое небо с разбросанными здесь и там аэростатами воздушного заграждения. Начало сентября. Большие окна домовой конторы открыты. У выходной двери, на которой висит надпись: «Укрытие на 20 человек», Дарья Александровна. Видно, что она только что выскочила на набережную прямо с постели. Она накидывает на голову платок, надевает противогаз.

Дарья Александровна (соседке, выскочившей из аптеки). Которая сегодня?

Соседка (на рукаве у нее повязка с крестом). Не помню, кажется, шестая.

Дарья Александровна (заглянув в окно). Тимофеевна, на пост номер два! Живо!

Входит Маша, в одной руке у нее кастрюлька с кашей, в другой — тарелка и ложка.

Маша. Поесть не дадут, ироды проклятые!

Дарья Александровна. Маша, на чердак! Где? Иван Федорович?

Маша. Спит. С головой укрывшись. Сутки-то отдежурил. (Ставит кастрюльку на скамью.) Гале я оставила.

Дарья Александровна. Все-таки это нехорошо, что Иван Федорович не спускается вниз. Мало ли что может случиться!

Маша. Случится, так и тут случится. Вон на Мойке в первый и второй ударило, а третий и четвертый стоят. А народ в первый спустился. Как мы стали откапывать, так рядышком и лежат. *(Утирает слезы.)* Детей жалко.

Дарья Александровна. Ну, ладно, Маша.

Маша. Окаянные!

Дарья Александровна. Иди-ка на чердак.

Маша. Сегодня за меня на чердаке Катя Рабиновическая дежурит. Ешьте кашу-то! Остынет.

Шум самолетов.

Летят.

Дарья Александровна. Это наши!

Маша. Да, наши!

Слышно, как вдалеке начинают стрелять зенитки.

Вот тебе и наши!

Дарья Александровна *(какому-то гражданину, неторопливо идущему по набережной)*. Гражданин, ваш пропуск.

Гражданин показывает пропуск. В это время из-за угла выбегает девочка с кружкой.

Ты куда?

Девочка. Тетенька, я с молоком.

Дарья Александровна. Заходи, заходи, мало что с молоком. *(Загоняет ее в подъезд.)*

Соседка. Как на грех, Петьку за хлебом послала!

Дарья Александровна. Ничего, эта будет короткая. Сколько уже? Минут двадцать?

Соседка. Да, короткая! Ночью тоже думали, что короткая. *(Радостно.)* Бежит!

Десятилетий Петька бежит по набережной, крепко прижимая к груди хлеб.

Петька (отдает матери карточки). На!

Маша. Большая очередь?

Петька. Не! Разбежались все, а я первым стоял, мне и дали!

Девочка (высовывается). И за молоком все разбежались, а я внутри была, мне и дали!

Дарья Александровна. Ну, ладно, ребята. Марш отсюда! (Соседке.) Марья Тихоновна, что муж пишет?

Соседка. Пишет, что жив, здоров. За меня не беспокойся. Буду бить извергов до последнего, а вы там живите спокойно. Враг под Ленинградом найдет свою могилу. А ваш?

Дарья Александровна (грустно). А мой не пишет. Он ведь только с оказией может. Но я за него не так беспокоюсь, как за сына.

Соседка. Сын-то с ним?

Дарья Александровна. Да. Знаю только, что в одном отряде. Оттуда приезжал один местный, передавал привет.

Снова гул самолетов.

Соседка. Ну, сейчас кончится. Это — наши.

Глухой удар.

Дарья Александровна. Бросил. Далеко. Наверно, на Выборгской.

Приближающаяся стрельба зениток.

Соседка. Сюда летит, проклятый.

Дарья Александровна. Марья Тихоновна, идите в бомбоубежище. И детей возьмите. Что здесь за укрытие!

Гул удаляется.

Соседка. Пролетел. А у дочери вашей муж тоже на фронте?

Дарья Александровна (*делает вид, что не слышит*). Маша, а Галя не звонила?

Маша. Как это звонила?

Дарья Александровна. Ах, да! Я совсем забыла, что телефон не работает.

Соседка. А у дочери вашей муж тоже на фронте?

Дарья Александровна (*с трудом*). Да.

Соседка. Пишет?

Дарья Александровна. Нет. (*Снова переводя разговор.*) Нужно будет кого-нибудь в квартал послать. Обещали сегодня выдать асбестовые рукавицы и капюшоны.

Соседка. Я все смотрю, она такая грустная ходит. А что же не пишет?

Дарья Александровна. Пропал без вести. (*Поспешно.*) Только вы случайно не заговорите об этом с дочерью. Она...

Соседка. Ну, что вы! Разве я скажу.

Тишина. Слышно только, как по радио часто бьет метроном.

Дарья Александровна. Прежде он днем не налетал так часто.

Зенитки снова начинают бить — на этот раз очень близко.

(*Открыв дверь парадной.*) Ребята, в бомбоубежище!

Девочка. Тетенька, я же с молоком, я домой пойду, мне близко.

Дарья Александровна. Марья Тихоновна, проводите их. И спросите, пожалуйста, у дежурной, сколько укрылось?

Зенитки заглушают ее голос.

Маша, разбудите доктора. Скажите, что я прошу спуститься.

Маша и соседка с детьми уходят. С нарастающим шумом над домом летят самолеты. Еще мгновение, и моторы оглушительно ревут, кажется, на самой сцене. Дарья Александровна молча стоит у подъезда. Человек в каске высовывается из окна конторы.

Он что-то кричит ей, но в шуме моторов ничего не слышно.

Дарья Александровна. Что?

Шум удаляется.

Человек в каске. Я говорю, вы бы все-таки зашли в подъезд. Это не обязательно, чтобы вас убило. (Скрывается.)

Заспанный Клубиков выходит из подъезда и, протирая глаза, садится на скамейку. Он в военной форме, похудел и помолодел.

Клубиков (зевая). Что случилось?

Дарья Александровна (смеется). Ничего не случилось. Просто во время тревоги нельзя спать, да еще на шестом этаже.

Клубиков. И только? (Заглянув в кастрюльку.) Это чья каша?

Дарья Александровна. Маша принесла. Ешьте.

Клубиков. Нет! нет! Что вы!

Дарья Александровна. Я все равно не буду.

Клубиков (ест кашу). Дарья Александровна, что нам делать с Галей?

Дарья Александровна (дрогнувшим голосом). Только об этом я и думаю целыми днями. И ночами и днями.

Клубиков. Ну, давайте вместе подумаем. Известий никаких?

Дарья Александровна. Я вчера в штабе была. Мне обещали навести справки. Он не числится убитым, а как пропавший без вести.

Клубиков. Почему же убитым? Конечно, нет. Он — пропавший без вести. Он именно — пропавший без вести. Н-да... Между прочим, я вам хотел сказать..

Дарья Александровна (встрепенувшись). Что? Клубиков (мнется). Ничего особенного. У меня в госпитале лежит, оказывается, один командир из его части.

Дарья Александровна. Да что вы говорите?

Клубиков. Я спрашивал его. Мишу он сам не видел... то есть в последнее время, когда они были в окружении...

Дарья Александровна. В окружении!

Клубиков. Ну, да, что же тут особенного? И он вышел. То есть этот командир вышел. Я спрашивал, как он думает. И он тоже говорит — считайте, что пропал без вести. Вот я теперь и не знаю — сказать ли мне об этом командиру Гале.

Дарья Александровна. Непременно сказать!

Клубиков. Не знаю, не знаю... Он тяжелый, все-таки. Ноги отняты и потом... Одна сотая зрения.

Дарья Александровна. Слепой?

Клубиков. Почему слепой? Я же говорю — одна сотая зрения.

Дарья Александровна. Нет, тогда я сама пойду.

Клубиков. Вот это лучше! Теперь, насчет крови. Она сегодня опять будет давать кровь. Это — невозможно.

Дарья Александровна. Что же делать! Я с ней говорила — и слушать не хочет.

Клубиков. А вот я сейчас позвоню и скажу, чтобы у нее больше не брали. Безобразия! У нее нельзя брать кровь, когда она в таком состоянии. Где тут телефон?

Дарья Александровна. Сейчас тревога, вам не ответят.

Клубиков. Ах да, тревога! Почему не ответят? Из больницы ответят.

Дарья Александровна. И потом мне кажется, что это для нее... Ей будет еще тяжелее.

Клубиков. Чепуха! И так она работает, что только с ума сойти. Вы думаете, шутки сейчас на оборонном заводе?

Дарья Александровна. Я знаю.

Клубиков. И кончится, что Миша придет, а от него только рожки да ножки. Ну, я пойду.

Дарья Александровна. Куда? Еще тревога не кончилась.

Клубиков. Чорт с ней!

Цейтлин выходит из-за угла. Худое, энергичное, обветренное лицо. Он — в кожаной тужурке с планшетом, с мешком за плечами.

Дарья Александровна. Ваш пропуск.

Цейтлин. Пропуска нет.

Дарья Александровна. Зайдите в укрытие.

Цейтлин. С удовольствием. (*Просматривает номер квартир над подъездом*). Кажется, здесь квартира номер сто пять?

Клубиков (*живо*). Да, здесь. Это моя квартира.

Цейтлин. Доктор Клубиков?

Клубиков. Да.

Цейтлин. Я привез вам письмо. Моя фамилия Цейтлин. (*Протягивает письмо*.)

Клубиков (*надевает очки, взглянув на конверт*). О Петра!

Дарья Александровна. Да что вы?

Цейтлин. Дарья Александровна?

Дарья Александровна. Да, да! Вы меня знаете? Вы видели Петра Алексеевича? Где он?

Цейтлин. Где он, это я могу показать вам только на карте. (*Открывает планшет*.) Вот здесь, видите, станция Мшинская. А здесь, километрах в пятнадцати, болото. Вот последнее время мы и сидели в этом болоте.

Клубиков (*разрывает конверт*). Дарья Александровна, это вам.

Дарья Александровна (читает). «Дорогая Даша, это письмо передаст тебе наш друг и товарищ. Попроси Ивана приютить его на несколько дней. Без сомнения, ты очень беспокоишься за нас — и совершенно напрасно».

Девочка с молоком осторожно выглядывает из дверей и, заметив, что Дарья Александровна занята письмом, со всех ног бежит по набережной.

(Читает.) «Боря жив и здоров. Он не пишет, потому что я уговорил его провести несколько дней в соседней деревне. Единственное, что огорчает меня — это полное отсутствие известий от вас, мои дорогие. Как Галя, моя родная, милая дочка? (Голос ее прерывается.) Есть ли письма от Миши?»

Галя появляется из-за угла и некоторое время стоит неподвижно, слушая, как Дарья Александровна читает письмо.

Передайте ей, что я твердо уверен в его возвращении».

Галя. От папы?

Дарья Александровна. Галюша, от папы!

Клубиков (Цейтлину). Дочка Петра Алексеевича.

Тонкий жужжащий свист.

Дарья Александровна. Ну, началось!

Удар.

Галя. Близко.

Человек в каске (высовывается из окна конторы). Товарищи, я не понимаю, что за собрание во время тревоги? (Скрывается.)

Дарья Александровна. Галюша, я думаю, можно пока зайти к Рабиновичам. Они все-таки в первом.

Клубиков. Никаких Рабиновичей! Мы идем домой, и прежде всего закатим товарищу горячую ванну.

Свист.

Цейтлин. Спасибо. Вот это было бы действительно..

Удар, и в ту же минуту из-за угла бежит милиционер, держит на руках давешнюю девочку с молоком.

Милиционер. Где тут санпост?

Дарья Александровна. Что случилось?

Милиционер. Задело осколком.

Дарья Александровна. Сюда, сюда! Здесь санпост! Иван Федорович, посмотрите же!

Милиционер. У меня тут...

Цейтлин хочет взять у него девочку.

Да нет! Возьмите кружку.

Цейтлин осторожно ставит на скамейку кружку с молоком. Милиционер уносит девочку. Клубиков идет за ним.

Дарья Александровна. Здесь, правда, не следует стоять. Галя, проводи товарища к Рабиновичам. А мне он уж потом, после тревоги, все расскажет.

Галя. Хорошо, мамочка. Я только загляну туда. Может быть, что-нибудь нужно.

Дарья Александровна (удерживает ее). Там все есть, и ничего не нужно.

Галя. Я сейчас же вернусь. (Уходит.)

Дарья Александровна. У нас нет никаких известий от Галиного мужа. Петр Алексеевич говорил вам о нем?

Цейтлин. Да. Больше говорил Боря.

Дарья Александровна. И они думают, что еще есть надежда?

Цейтлин. Да. Особенно Боря.

Клубиков выходит из подъезда.

Дарья Александровна. Ну, как она?

Клубиков (махнув рукой). Пошли ко мне, товарищ Цейтлин!

Дарья Александровна. Умерла?

Клубиков. Нет еще, но сейчас умрет.

Дарья Александровна. Где Галя?

Клубиков (*мрачно*). Там. Сидит и смотрит.
(*Раздражаясь*.) Четыре осколка в грудь. Чорт знает, что!
В детей стреляют из пушек.

Дарья Александровна. Нужно увести Галю.

Клубиков. Да что увести! Я ее звал. Сидит рядом с ней и смотрит. Ну, ладно. Пошли!

Радио вдруг перестает стучать.

Г о л о с. Отбой воздушной тревоги.

Звук фанфар.

Отбой воздушной тревоги.

Народ высыпает из подъезда, из аптеки.

Дарья Александровна. Наконец-то!

Все быстро расходятся.

Г о л о с. Отбой воздушной тревоги.

Дарья Александровна. Я сейчас приду с Галей.

Сцена пуста. Из подъезда выходят милиционер и Петька.

Петька. Ее мать уборщицей в кино «Колос» служит.

Милиционер. Вот ты ей молоко снеси. Да не говори сразу: «Катку убило». А скажи: «Тетенька, случилось несчастье».

Петька (*берет и крепко держит в руках крижку*).
Ладно.

Оба уходят. Тоненький, как мальчик, военный появляется на набережной. Он проходит несколько шагов и останавливается, опираясь на палку.

М а ш а (*заплаканная, выходит из подъезда*). Ироды проклятые! Разбойники!

Военный (негромко). Маша...

Маша (вдруг садится на скамейку). Господи...

Военный. Маша...

Маша (мотает головой). Нет...

Военный. Что «нет»? Не узнала?

Маша. Михаил Васильевич! (Вскакивает и бежит к нему.) Господи! Галя-то как будет рада. С ума сойдет!

Миша (удерживает). Постой. Она здесь?

Маша. Да здесь же! Я сейчас скажу.

Миша. Постой! Ну, посмотри на меня. Ничего я?

Маша. Да как же ничего? Не тот совсем!

Миша (с беспокойством). Не тот?

Маша. Исхудал и бледный какой!

Миша. А в глаза посмотри. Ничего?

Маша. Будто ничего. Да что с вами было-то? Ранили? Что ж вы не писали? Ведь тут весь дом по вас пострадавши.

Миша. Да, ранили и контузили. А потом... У меня было что-то с головой. Ничего не мог вспомнить. Но это все прошло. Ведь я теперь ничего, правда?

Маша. Да ничего же! Мы вас поправим! Сейчас Гале скажу. Не знаю, как и сказать! Как бы с ней от радости чего не случилось... (Убегает.)

Миша остается один. В страшном волнении он делает несколько шагов, потом оглядывается, куда бы поставить палку. Палка падает, он с трудом поднимает ее, кладет на скамейку. Еще несколько неуверенных шагов — без палки. Останавливается. Ждет, подняв худое лицо. Галя выходит из подъезда.

Миша (протягивает к ней руки). Галя!

Галя (бросается к нему). Милый мой! Родной мой! Ты вернулся.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Окраина села. Простое крыльцо рубленого деревенского дома. Вокруг — густой ельник с темными мшистыми полянами. На одной из них — подбитое орудие. В глубине — уходящая в гору, ярко освещенная солнцем зеленая лесная дорога. На крыльце фельдфебель Краус, полный бледный человек, с большой головой, аккуратно причесанной, с пробором. Перед ним колхозник Петров
Немецкий пост. Толпа перепуганных женщин.

Краус. Читал ли ты этот приказ? (Показывает висящий у крыльца приказ.)

Петров молчит.

Здесь написано: «Нам известно, что жители скрывают партизан из отряда Кольванова. За поимку Кольванова, живого или мертвого, будет выдано вознаграждение — два центнера муки, за каждого его партизана — один центнер. Если при проверке окажется укрытие — будут расстреляны».

Один из немецких солдат, скучая, начинает насвистывать песенку. Другой подталкивает его. Первый смеется.

Петров. Да, читал.

Краус. Однако в твоём доме скрывался партизан. Наш батальон квартировал в деревне в то время, как в ней же скрывался партизан.

Петров. Нет, не партизан. Мальчишка один жил больной, это верно.

Краус. Кто этот мальчишка?

Петров. С города.

Краус. Нам известно, кто этот мальчишка. Итак, ты скажешь, где он, и, следовательно, получишь один центнер муки.

Петров. Не надо мне муки.

Краус. Почему ты не хочешь нашей муки?

Петров. Вашей?

Шопот в толпе женщин.

Краус. Ты боишься, что будешь убит вследствие получения этой муки?

Петров. Не надо мне.

Краус. Куда он ушел и где находится в настоящее время?

Петров. Сказал, что домой пойдет, а пошел или где в лесу,—неизвестно. Может, пристал к кому... Мало в лесу народа!

Краус. Он жил у тебя более, чем пятнадцать дней. Потом ушел и не сказал, куда. Я вижу, что ты тоже хочешь висеть на дереве, как этот.

Солдат снова начинает насвистывать. Второй подхватывает.

Итак, я скажу сам: этот мальчишка есть сын Кольганова. Он не был болен. Он был ранен. Теперь ты видишь, что нам известно все.

Петров. Известно, так нечего и спрашивать.

Краус. Альзо! Крамер!

Один из солдат вытягивается перед фельдфебелем.

(Тычет пальцем в толпу.) Эта!

Солдат вытаскивает из толпы румяную, круглолицую девушку, лет семнадцати.

Петров (с отчаянием). А дочь-то за что?

В толпе плач.

Краус. Молчать!

Солдат тащит девушку. Она упирается, он крутит ей руки. Скрываются за сценой.

Теперь ты скажешь.

Петров (бросается на него). Сволочи проклятые! Гады!

Его хватают, валят на землю. Тишина. Слышна только песенка, которую чуть насвистывает первый солдат. Потом отчаянный, пронзительный крик раздается за сценой.

Петров (шопотом). Дочь-то за что? Меня убейте!

Краус (наклонившись над ним). Куда он ушел и где находится в настоящее время?

Петров (разрывает на себе рубаху). Вот, на!

Краус (бьет его ногой). Ты скажешь!

Петров. Стреляй, сволочь!

Краус подает команду.

Солдаты поднимают Петрова и ставят его у стенки дома. Краус снова командует. Солдаты отходят на десять шагов, Вскидывают ружья. Краус снова командует. Солдаты опускают ружья.

Краус. Ты скажешь?

Петров плюет ему в лицо.

(В бешенстве.) Огонь!

Залп. Петров падает.

(Наклонившись, стреляет ему в лицо.) Крамер! (Знаком приказывает, чтобы увели плачущих женщин.)

Солдаты гонят женщин.

Крамер!

Спиной к зрителям выходит Крамер. Он срывает пучок травы, вытирает куртку. Стараясь прикрыть мокрые пятна, вытягивается перед фельдфебелем.

Где она?

Крамер (мнется). Она мне испортила мундир, и я...

Негромкий выстрел. Он с удивлением поднимает голову, делает шаг. Колени подгибаются, он садится на землю.

Краус (не понимая, оглядывается вокруг; дрожащим голосом). Что это значит?

Снова выстрел. С Крауса слетает фуражка. Он бросается в сторону. Команда. Солдаты рассыпаются цепью, и в ту же минуту начинают стучать пулеметы.

Огонь! Огонь! Огонь!

Раненый немец, согнувшись, держась за живот, выбегает и, крича от боли, падает на колени. Ползет, кричит. Он появляется с тыла

залегшей цепи, и сперва один, потом другой солдат с беспокойством вглядываются в ту сторону, откуда он появился. В шуме стрельбы не слышно, о чем спрашивает у него побелевший Краус. Раненый катается по земле, кричит.

Краус. Назад! (*Подхватывает фуражку, бежит.*)

Солдаты тащат за ним пулеметы. Несколько мгновений сцена пуста. Только клонятся здесь и там подсеченные пулями ветви. Одна из лубь попадает в мертвого Крамера, сидящего на земле, с опущенной головой. Голова откидывается, мертвый — валится на бок.

Боря (*выбегает и, приложившись, стреляет с колена*).
С комсомольским приветом!

Боря очень изменился, и зритель не без труда узнает в нем прежнего школьника. На нем подпоясанная ремнем синяя немецкая куртка, на ремне огромный маузер в деревянном футляре. Фуражка лихо надвинута на бок. За ним неторопливо выходит **Цейтлин**.

(*Бросается к Петрову.*) Мерзавцы! Они Василия Фомича убили!

Цейтлин. Да, убили. (*Ударом ноги открывает дверь, вернувшись.*) Ни души! Только дед на печи, и то не разберу, спит или мертвый.

Боря. Василия Фомича! Ах, мерзавцы!

Выстрелы постепенно смолкают, и партизаны один за другим появляются на сцене. Среди них выделяется **Рымша**, мрачный, черноватый, скуластый парень.

Цейтлин (*улыбаясь, Рымше*). Ну, нашел?

Рымша. Кого?

Цейтлин. Который брата убил?

Рымша. Не. Ничего, я найду. От меня не уйдет.

Входит **Колыванов**. За ним двое партизан тащат фельдфебеля, безоружного, грязного, в разорванном мундире.

Цейтлин (*Рымше*). Не этот?

Рымша. Не, тот худой.

Краус (*на коленях*). Жить, жить!

К о л ы в а н о в (*Цейтлину*). Ты выставил караулы?

Ц е й т л и н. Да.

К о л ы в а н о в. Трoих наши упустили. Ночевать здесь нельзя.

Ц е й т л и н. Я знаю.

К р а у с (*раскачиваясь, с закрытыми глазами*). Жить! Я хочу жить!

К о л ы в а н о в. Где председатель колхоза?

Ц е й т л и н (*указав на Петрова*). Вот он.

К о л ы в а н о в (*искоса взглянув на Петрова*). Товарищи, возьмите председателя. Не надо в избу. Оставьте тут, на крыльце. (*Цейтлину*.) Зайди в сельсовет. Там стоит мука на подводах. Спроси, сколько у кого брали, и раздай.

Ц е й т л и н уходит.

(*Краусу*.) Фамилия?

К р а у с (*дрожит*). Отто Краус...

К о л ы в а н о в. Какого полка?

К р а у с. Седьмого полка сто шестьдесят первой дивизии.

К о л ы в а н о в. Мертвая голова?

К р а у с (*очень громко*). Нет!

К о л ы в а н о в (*ткнув пальцем в череп на рукаве мундира*). А это?

Краус опускает голову.

Где штаб дивизии?

Краус молчит.

К о л ы в а н о в (*берет его за горло*). Ну?

К р а у с. В Истомицах.

К о л ы в а н о в. Говори правду, скотина!

К р а у с. Это правда, правда.

К о л ы в а н о в. Гм, в Истомицах? Боря, иди на Вревку. Там посидишь у моста по дороге в Чеголи. Часов в шесть тебя кто-нибудь сменит.

Б о р я уходит.

(*Краусу*.) Сколько вас тут было в деревне?

Краус. Двадцать шесть человек.

Колыванов (Рымше). Ты хорошо сосчитал?

Рымша. Двадцать два только.

Колыванов. Значит, четверых упустили.

Рымша. Они камышами ушли. Я говорил, что надо было с финского конца заходить.

Колыванов (Краусу). Кто вам сказал, что здесь скрываются партизаны?

Краус. Не партизаны, нет! Нам сказали, что в этой деревне все есть, как было... Мы прошли, а здесь все есть, как было... Опять сельсовет... Нас послал командир. Мы не хотели.

Колыванов. Кто вам сказал, что здесь все есть, как было?

Краус молчит.

(Грозно.) Ну?

Краус. Один.

Колыванов. Кто один? Как его фамилия?

Краус. Из финской деревни.

Колыванов. Нет, из этой деревни. Из финского конца этой деревни?

Рымша. Это Луртинен, сволочь!

Колыванов (Краусу). Да?

Краус, дрожа, кивает.

(Рымше.) Сходи за ним.

Рымша уходит.

Краус. Я прошу простить меня. Я — солдат, только солдат. Мне приказали.

Колыванов (скрипнув зубами). Простить тебя? (Толкает Крауса к крыльцу, на котором сидит мертвый Петров.) Его проси! Если он простит, тогда ладно.

Краус рвет на себе волосы.

Погромче, он не слышит!

Краус. Я сойду с ума!..

Колыванов. На колени!

Краус на коленях ползет к крыльцу.

Повторяй за мной. Я, Отто Краус...

Краус. Я, Отто Краус...

Колыванов. Который убил тебя...

Краус. Который убил тебя...

Колыванов. Замучил и зверски убил твою дочь...

Краус. Нет!

Колыванов. Повторяй, сволочь!

Краус. Замучил и зверски убил твою дочь...

Колыванов. Ограбил твой дом...

Краус. Ограбил твой дом...

Колыванов. Убил и ограбил десятки твоих земляков и сжег их дома...

Краус. Убил и ограбил десятки твоих земляков и сжег их дома.

Колыванов. Насиловал и убивал женщин.

Краус. Нет, нет, нет!

Колыванов. Насиловал и убивал женщин...

Краус. Насиловал и убивал женщин...

Колыванов. За все это я прошу и умоляю простить меня, председатель колхоза...

Краус. За все это прошу и умоляю простить меня, председатель колхоза.

Пауза.

Колыванов. Молчит.

Пауза.

Не прощает.

Визжа, Краус бросается в сторону. Колыванов стреляет в него.

Краус падает.

(Партизанам.) А теперь возьмите хозяина. Мы сами его похороним.

Партизаны уносят Петрова.

Дверь избы медленно открывается, и очень старый дед, в лаптях, в длинной до колен рубахе, чуть переставляя ноги, выходит на крыльцо. Одна из давешних женщин выходит из лесу.

К о л ы в а н о в (деду, который хочет сойти с крыльца). Постой, дедушка, я тебе помогу.

Они спускаются.

Д е д. Василия мово убили?

К о л ы в а н о в. Убили.

Д е д. Внучку мою?

К о л ы в а н о в (сурово). И внучку.

Д е д. И мне как бы...

Ж е н щ и н а (поддерживая деда с другой стороны). Ладно, дедушка, пойдем ко мне. Поживи-ка у нас.

Останавливаются.

Д е д. И мне бы надо.

Ж е н щ и н а. Ладно, ладно, дедушка.

Медленно проходят через сцену. Входит Цейтлин.

Ц е й т л и н. Роздал, Петр Алексеевич. Там еще две подводы с вещами стоят. В тех женщины сами разберутся.

К о л ы в а н о в. Оружие собрали?

Ц е й т л и н. Собрали. Вы автомат видели? Новенький.

К о л ы в а н о в. Где Рымша?

Смущенный Рымша выходит справа и, не глядя на Кольванова, боком пробирается к партизанам.

Привел?

Р ы м ш а. А? (Почесываясь.) Петр Алексеевич, он не этого... не пошел. То есть, пошел, а сам все на землю валится. Я его сперва даже уговаривал, Петр Алексеевич, честное слово... А потом...

К о л ы в а н о в. Ну?

Р ы м ш а. Что же мне, нести его, суку?

Маленькая фигурка появляется на скате дороги.

Цейтлин. Что-то усмотрел наш Борис.

Колыванов (Рымша). Вот я как выгоню тебя из отряда!

Рымша. Петр Алексеевич! Ведь все равно вы бы его...

Боря (вбегает и в первую секунду не может сказать ни слова). Немцы!

Колыванов. Много?

Боря. Много! Один отряд лесом пошел, а другой камышами вдоль Вревки.

Колыванов. Дорога?

Боря. На дороге они оставили заслон. Немного прошли, потом разделились и оставили заслон. Я в двух шагах лежал, все видел.

Колыванов (прикидывая в уме). Стало быть, на Вревку уже не пройти... На Чеголи дорога отрезана... Вот что... Мы с Цейтлиным останемся здесь.

Боря (невольно). Папа!

Колыванов. Рымша, тебе передается командование отрядом. Дойдете до Вревки — рассыплетесь и камышами по одному уходите.

Рымша. Есть.

Партизаны уходят. На сцене остаются Колыванов и Цейтлин.

Колыванов. Ну-ка, Цейтлин, давай сюда автомат.

Цейтлин. Вот он.

Колыванов. Новенький, говоришь?

Цейтлин. Новенький.

Далекie выстрелы.

Колыванов. Нужно задержать их, Цейтлин.

Цейтлин. Понимаю, Петр Алексеевич. (Занимает позицию).

Ждут. Выстрелы все ближе.

ЗАНАВЕС

А К Т Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

Комната в доме Кольвановых. Разбитая мебель, разбросанные вещи. Книги валяются на полу. Маша прибирает и то и дело, наклоняясь, поднимает и бросает в корзинку патроны, гильзы. Галя и Миша прилаживают сорванную с петель дверь веранды. Одно окно заколочено досками, другое заложено тюфяком. На стене всюду видны следы пуль. Большая висючая лампа разбита. Картина разрушения — однако на протяжении акта обстановка постепенно меняется, и зритель видит комнату почти такой, какой она была в начале второго акта. Но тогда было лето, а теперь зима. Ясный солнечный день. Прилаживая дверь, Миша то и дело открывает ее, и тогда видна великолепная панорама зимнего леса, с красными соснами и ослепительным снегом. Наверху время от времени слышен стук и шаги — там работают плотники, наводя порядок в разрушенном мезонине.

М а ш а (*подметая*). Дарьи Александровны жакетка вязаная... Один рукав лежит, да и тот рваный. Изверги! Наверно, на портянки подвертывали.

М и ш а. Дай-ка молоточек.

Г а л я (*подает*). Как ты думаешь, Натансон согласится?

М и ш а. Согласится.

Г а л я. Не знаю. Ведь теперь совсем не то, что в начале войны.

М и ш а. Ты же очень хорошо кончила курсы, чуть не первая. Почему бы ему не согласиться? Дай-ка отвертку.

Г а л я (подает). Если бы Иван Федорович лично попросил — другое дело. А так, знаешь, сколько сестер подали заявления на фронт? Все.

Миша. А я беспокоюсь, как ты поедешь.

Г а л я. Почему?

Миша. Ты сама знаешь.

Г а л я (смеется). Балда! Это будет через семь месяцев. К тому времени война кончится. Сталин сказал, самое большее — через полгода.

Миша. Он сказал: «самое большее — через годик».

Г а л я. Ну, что же! Тогда отпустят.

М а ш а. Полную корзинку патронов набрала. Еще взорвется.

Миша. Не взорвется.

М а ш а. Да, понадейся на них! А Кондратьевых Шурка стал собирать и чуть без глаз не остался. (Поднимает чулок.) Вот один нашла, а другой, изверги, на себя нацепили. Матрацы все, точно крысы, повыели. Все равно после них кто же будет спать на этом матраце?

Миша. Ничего, Маша, новые купим.

Дверь прилажена. Миша несколько раз открывает и закрывает ее.

Ну, вот! А теперь пора собираться.

Г а л я. Уже?

Миша. Три часа. К четырем мне нужно быть в батальоне.

Г а л я (обнимает его). Все-таки страшно, что мы опять расстанемся.

Миша. Мы встретимся на фронте...

Г а л я. Ну, да! Разве это возможно? Я даже еще не знаю, отправят ли меня на фронт. Если бы Натансон согласился, меня бы уже известили.

Миша. Эти дни тебе нужно было провести в Ленинграде.

Г а л я. Конечно, да! Если бы я не надеялась, что уви-

жу папу и Борю, я бы осталась. Все-таки это очень странно, что о них никто ничего не знает. Хотя, когда я вспоминаю, как я о тебе волновалась...

М а ш а (поднимает с пола какую-то тряпку). После них как и дотронуться не знаешь! Поганые!

М и ш а. Между прочим, немцы просто не могли понять, почему я не сдаюсь. Они мне даже кричали: «Рус, сдавайся». Им очень хотелось. А мне, знаешь, что-то не счень.

Г а л я. Еще бы!

М и ш а. Интересно, что первое, что я вспомнил, когда очнулся, это была та береза, помнишь, я тебе рассказывал, и с нее медленно, медленно падает лист. И будто я оборачиваюсь и вижу, как этот лист ложится на лицо капитана и думаю: «Смахнет или нет? Если не смахнет — умер».

Маша перестает подметать и садится у стола, подпирая голову рукою.

Ты меня спрашивала, какая у меня была самая страшная минута? Вот эта — пока я ждал, смахнет или нет.

Г а л я. И он не смахнул?

М и ш а. Нет. Я трое суток не спал, почти ничего не ел, несколько раз чуть не уснул за пулеметом. Но в эту минуту — все переменялось. Я почувствовал, что умру, если мне не удастся отомстить за него. И та мысль, которая днем казалась невозможной, вдруг показалась очень простой. Орудие стояло метрах в ста от березы, и все время, пока я полз, только это мертвое лицо с листком на щеке было перед глазами. Потом писали «будучи окружен фашистами, овладел орудием противника и в течение суток один держал укрепленный рубеж». Я был не один, ты понимаешь?

Врывается К л у б и к о в, размахивая газетой.

К л у б и к о в. Наши взяли Калугу!

Миша (хватает газету). Да ну?

Клубиков (не дает). Здесь нет. Это вчера Калинин сказал по радио.

Галля. Почему Калинин?

Клубиков. Он вчера выступал, поздравлял с Новым годом и сказал, что наши взяли Калугу. Немцы бегут! Где карта?

Маша. Плотники взяли.

Клубиков. Опять! Машенька, принесите.

Маша уходит.

Галля. А что в Африке?

Клубиков (смеется). Вот время — Африка и Калуга! Чорт, почему я ничего не записываю! В Африке их бьют так же, как под Калугой.

Маша приносит карту.

Ну-ка!

Все склоняются над картой.

Вот она, эта линия вокруг Москвы. Сперва она поехала сюда, на север. А сейчас — на запад. Вернее, на юго-запад. Теперь нужно ударить вот сюда — с фланга.

Миша. Вот кому нужно было поручить руководство западным фронтом!

Клубиков. Смейтесь, смейтесь! (Погружается в изучение карты, бормочет.) Значит, если наши возьмут Орел...

Галля. Иван Федорович!

Клубиков. А Рокоссовский ударит на немцев с фланга...

Галля. Иван Федорович! Вы не видели в поселке маму?

Клубиков (рассеянно). Она моет детей.

Галля. Каких детей?

Клубиков. Безмамных.

Галля. Каких?

К л у б и к о в. Без мам. Очень много. Стоит в Доме пионеров, засучила рукава и моет.

Г а л я. Но ведь Дом пионеров разбит?

К л у б и к о в. Его уже починили. *(Отрываясь от карты.)* Вообще с третьего дня поселок не узнать. Народу полно! «Металлист» уже работает. Сегодня обещают дать свет. Магазины открыты. Но немцы, немцы! Голубятную они назвали «Берлинер-штрассе». Все-таки дураки! Да, кстати! *(Вытаскивает из кармана лист бумаги.)* Читайте! Сорвал с забора!

Г а л я *(читает)*. «Нам известно, что жители скрывают партизан из отряда Колывановых. За поимку Колыванова, живого или мертвого, будет выдано вознаграждение — два центнера муки, за каждого партизана — один центнер. Если при проверке окажется укрытие — будут расстреляны».

К л у б и к о в *(берет у нее приказ и, сложив, торжественно кладет в боковой карман.)* На память!

Г а л я. Живого или мертвого! Мерзавцы! Но как могло случиться, что в поселке никто ничего не знает о партизанском отряде?

М и ш а. Придут.

Г а л я. Ты едешь сегодня. Я, может быть, завтра. Мы их не увидим.

Далекий свист.

М а ш а *(щетка падает из ее рук)*. Опять начали, иррады!

К л у б и к о в. Это паровозы свистят. Дорогие мои! Я вам говорю — все будет прекрасно! Немцы сели. Они не поняли нас и блистательно сели. Все будет прекрасно. Это говорю вам я, старая собака! Паровозы свистят, заводы работают, и эта туча, которая вдруг накатила на нас, рассеется к дьяволу, и на много лет во всем мире наступит отличная погода. Смотрите, солнце уже светит во все лопатки! *(Хватает их за руки и тащит к окну.)*

Снег такой, что хочется его съесть, и мальчишки уже лепят бабу на Голубятной, которую немецкие дураки зачем-то назвали Берлинер-штрассе, и катаются с горки, на которой неделю тому назад стояло немецкое орудие!

Дарья Александровна входит и останавливается в дверях. У нее очень измученный вид. Она снимает рукавицы, машинально направляется к печке.

Г а л я. Mamочка, ты пришла?

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Маша, подкинь дров.

М а ш а. Что же улицу топить? Еще верх не закрыли.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Я очень замерзла.

Г а л я. Mamочка, что случилось?

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Ничего.

Г а л я. Нет, я вижу.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Я просто очень устала.

Г а л я. Мама, ты врешь. Ну, говори, слышишь?

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Я узнала, что Цейтлин был в городе.

К л у б и к о в. Когда?

М а ш а подкидывает дрова, уходит.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а (*греет руки*). Как я замерзла!

Г а л я. Mamочка, ну, говори же. Был — и что же?

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. И остался.

М и ш а. Как остался? При немцах?

Г а л я. Ты его видела?

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Да. (*Закрывает лицо руками.*)

К л у б и к о в. Убит?

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Да. Его, наверное, очень мучили, потому что, когда его сняли...

К л у б и к о в. Как сняли?

Дарья Александровна (с раздражением). Сняли с виселицы. У него разбито все лицо... Двух других еще не опознали.

Пауза.

Галля. Где же папа?

Дарья Александровна (медленно оборачивается к ней). Не знаю.

Пауза.

Миша (поспешно). Дарья Александровна, уверяю вас, что это ничего не значит. Он мог быть послан в поселок с каким-либо поручением. Немцы схватили его. Быть может, Петр Алексеевич даже и не знает, что он погиб.

Клубиков. Эх, чорт! Какой хороший парефь! Как мы с ним разговаривали тогда в Ленинграде. Сколько планов!

Галля. Но ведь если бы с папой что-нибудь случилось, да еще здесь, в поселке,—неужели об этом бы не знали?

Миша. Тсварищи, ручаюсь вам, что через два-три дня они непременно вернутся. Жаль только, что нас с Галей они уже не застанут.

Дарья Александровна (Гале). Ты едешь?

Галля. Сегодня жду телеграмму.

Клубиков. Постой, постой, какую же телеграмму? Разве я... Я же отдал тебе телеграмму.

Галля. Да нет же!

Клубиков (роется в карманах). Ну, как же нет? Я отлично помню... (Выворачивает карман пиджака. Телеграмма падает на пол.) Ну, скажите пожалуйста!

Галля (распечатывает, читает). От Натансона. Вот и прекрасно. Я еду!

Дарья Александровна. А потом кончится отпуск у доктора, и останемся мы с Машей одни.

Галля (обнимает ее). А потом все мы снова соберемся вместе и уже никогда и никуда от тебя не уедем. (Шопотом.) И ведь ты, мамочка, ничего не будешь иметь прстив, если нас будет немного больше.

Дарья Александровна (внимательно смотрит на дочь). Да?

Галя. Да, мамочка.

Дарья Александровна. И ты все-таки едешь?

Галя. Да.

Дарья Александровна (крепко целует ее). Ну, береги себя, голубушка ты моя...

Этот разговор происходит полушопотом у печки. Мужчины не слышат его или делают вид, что не слышат.

Маша входит и с грохотом бросает дрова у печки.

Маша. Там какой-то военный в саду стоит.

Дарья Александровна. Какой военный?

Маша. А не знаю... Чего-то осматривается, оглядывается.

Шаги.

Никак, сюда идет.

Дарья Александровна выбегает на лестницу. Короткая пауза. Потом крик. Все бросаются за ней, и в то же мгновение в дверях появляется Боря. Он несет мать на руках. Несколько шагов, и он осторожно опускает ее на кушетку.

Боря. Мамочка, что с тобой? Мама! Иван Федорович, что с ней?

Клубиков трясет Дарью Александровну за плечи. Она открывает глаза.

Клубиков. А, ерунда! От радости не умирают!

Дарья Александровна. Боренька! Боря! Милый ты мой! Сыночек!

Боря. Это — я, мама. Видишь, вот я и вернулся. И ничего со мной не случилось. Галя! (Обнимает ее.)

Миша. Борька, милый...

Боря. Миша!

Целуются, смотрят друг на друга и снова целуются.

Ну, как ты? Совсем здоров? Как я рад всех вас видеть!

К л у б и к о в (в сторону). А я — собака, да?
Б о р я (бросается к нему). Иван Федорович! Да разве я...

Доктор обнимает его и отходит, слегка шмыгая носом.

М а ш а (только теперь приходит в себя). А я, дура, говорю, военный в саду стоит! Господи, совсем из ума выжила! Да ты ли это, Боренька?

Б о р я. Я, Маша.

М а ш а. Да какой же ты постановный-то стал! Да бравый какой!

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. А папа где? Он с тобой не вернулся?

Б о р я (секунда замешательства). Нет, он... Он в городе. Должно быть, скоро придет.

К л у б и к о в. И Петр здесь?

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Да снимки же свой тулупище! Дай посмотреть на тебя. Как изменился! Как изменился! (Радостно смеется.) И верно ведь, бравый! Ты был ранен, я знаю.

Б о р я. Я был ранен в этой комнате, мамочка! (Осматривается.) А в лампу все-таки попали, скоты!

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Машенька, да что это мы с тобой! Совсем ошалели. Он же голодный, на-верно.

Б о р я. Ничего не голодный. Только что шестьсот граммов хлеба съел.

М а ш а. Суп надо разогреть... Каша осталась в духовке, теплая еще.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Ну, беги скорее на кухню. А я сейчас хлеба нарежу.

М а ш а уходит.

(Бежит за ней.) Машенька, чаю.

Обе скрываются за дверью.

Б о р я (негромко). Вот что: я не знаю, где папа.

Г а л я. Как не знаешь?

Б о р я. Мы пришли в одну деревню, там были немцы, и мы надеялись выручить Василия Фомича... Вы его не знаете. А потом нужно было уходить!.. Мама идет.

Г а л я (*заглядывает на лестницу*). Да нет же!

Б о р я. Нужно было уходить, потому что немцы нас окружали и папа приказал пробираться по одному камышам, а сам с Цейтлиным остался, чтобы задержать немцев.

Г а л я (*ахнув*). С Цейтлиным?

Галя молчит, закрыв лицо руками.

М и ш а. Цейтина повесили.

Б о р я (*отступив на шаг*). Да нет...

Г а л я. Она сказала: «А двух других еще не опознали». Она сказала «а двух других»...

К л у б и к о в (*застывает на месте, широко открыв глаза, потрясенный ее догадкой*). Так ты думаешь... Да нет! Не может быть! Неужели она бы не узнала!

Б о р я. О чем вы говорите? Я ничего не понимаю. Отец остался в Чеголях. Он сказал нам, чтобы мы ждали его...

Входит Дарья Александровна, оживленная, веселая.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Ну, вот! Сейчас все будет готово! Тебе, наверно, нужно умыться с дороги.

К л у б и к о в (*суетится*). Нужно, нужно, нужно! Пойдем, Боря. Я ему полью.

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. Постой, я на тебя еще посмотрю. (*Смотрит на Бору, смеется*.) Просто не верится! Может быть, это не ты?

Б о р я. Честное слово, я, мама!

Д а р ь я А л е к с а н д р о в н а. И усы, никак, выросли?

Б о р я (*подкручивает чуть заметные усики*). Давно уже!

Дарья Александровна (*обнимает его*). Милый ты мой! Ну, иди. И я сейчас приоденусь. А то папа придет и скажет, что я совсем старуха стала. Галюша, достань-ка мне синее платье из чемодана.

Уходят. Миша остается один. Шагает из угла в угол. Садится у стола.

Маша входит, подбрасывает дрова, накрывает на стол.

Маша. Чего пригорюнились, Михаил Васильевич?

Миша. Ничего, Маша.

Маша. Неохота, поди, воевать-то снова?

Миша. Нет, Маша, охота. (*Встает, сжав кулаки.*)
Большая охота!

Маша. А Петр-то Алексеевич уж как будет жалеть, что вы его не дождались.

Миша. Что делать!

Маша. Еще свидитесь.

Миша. Кто знает!

Маша уходит. Входят Галя, Боря и Клубиков.

Клубиков. Не нужно так волноваться. Значит, ты думаешь, что, если папа узнал, что немцы увезли Цейтлина в город, он... Но ведь Дарья Александровна видела и тех двух. Неужели она бы его не узнала?

Боря. Я иду в поселок.

Клубиков. Не нужно так волноваться. Я понимаю, ты думаешь, что она видела только Цейтлина, потому что ей о нем сказали?

Боря (*угрюмо*). Я ничего не думаю.

Клубиков. Ну, хорошо! Иду в поселок я. Все узнаю, И вот что — мы условимся: если это он, я постучу в окно три раза.

Галя. Что за вздор!

Клубиков. Почему вздор? Все равно, я не могу сказать ей... Я запутаюсь и скажу что-нибудь не то. А так мне откроет Боря.

Миша. Доктор, доктор!
Клубиков. Не нужно так волноваться. Ш-ш...

Шаги.

Это она.

Входит Дарья Александровна.

(Как бы продолжая разговор). Ну, ребята, так я пошел.

Дарья Александровна. Как пошел? Куда?

Клубиков. В поселок, Дарья Александровна. Я, как всегда, забыл самое главное. Мне необходимо дать в госпиталь телеграмму.

Дарья Александровна. Никуда вы не пойдете. Маша управится и сходит.

Клубиков. Нет, это молния и очень важная. Я скоро вернусь.

Миша. Давайте же простимся. Я через полчаса должен явиться в часть. Мы сегодня едем.

Клубиков. Нет, нет. Я вернусь.

Миша (протягивает ему руку). На всякий случай!

Клубиков (обнимает его; быстрым шопотом). Дорогой мой! Как же вы уедете? Так ничего и не узнав о нем?

Миша (тоже шопотом). Что делать?

Клубиков (целует его). Ну, счастья! Счастья! (Выбегает.)

Дарья Александровна (Боре). Как хорошо вышло, что ты еще застал Мишу.

Боря. Да, мама.

Дарья Александровна. Ну, садитесь скорее. Ох, никак, Маша и для папы уже накрыла. Она все твердит, что ей сегодня тесто снилось. Я говорю — вот Боря и пришел. А она: «Много, полная кадушка! И для Петра Алексеевича хватит». (Боре.) Ну, рассказывай!

Боря. О чем, мамочка?

Дарья Александровна. Обо всем. Как вы жили, где? Так в лесу и жили?

Боря. Где придется. И в лесу и в деревне.

Дарья Александровна. Все-таки не каждую ночь под открытым небом? Я, бывало, ночью в Ленинграде, выйду на дежурство — ветер, мороз, стою и думаю: «А как там мои? Неужели так и спят на морозе?» Папато? Ведь года не те.

Боря. Папа — ничего, хорошо.

Дарья Александровна (смеется, передразнивает). «Ничего, хорошо». Даже голос переменялся. Ну, расскажи хоть, как вы воевали. Я все читала в газетах о партизанах и старалась представить и никак не могла. Ведь вас сколько было в отряде? Человек двадцать? Я все думала — ну, что могут сделать двадцать человек, такая горсточка?

Боря. Самое трудное это, собственно говоря, вопрос питания. На себе много не унесешь, а уходить приходилось на две-три недели. Горячее мы ели в последний раз второго сентября.

Дарья Александровна (ахнув). Второго сентября! Да что же ты не ешь ничего? Я тебе еще супу налью! Галя, а ты что пригорюнилась?

Миша (встает). Ну, мне пора.

Дарья Александровна. Уже? А вещи?

Миша. Вещи в батальоне.

Галя обнимает его. Они в стороне.

Галя. Вот видишь, я совершенно спокойна.

Миша. Мы увидимся. Я буду просить, чтобы тебя перевели в нашу медсанроту. Никогда не откажут, я знаю.

Галя. Конечно, не откажут. Видишь, ты говорил, что я буду плакать. Я не плачу. Я совершенно спокойна.

Миша. Да, вижу.

Галя. Ты будешь писать каждый день?

Миша. Да.

Галля. Я тоже. Ну, до свиданья.

Миша. Ты еще сегодня увидишь меня. Мы пойдем с полигона.

Галля. Я знаю. До свиданья. Обними меня еще раз.

Дарья Александровна. До свиданья, мой родной... Как Петр будет жалеть, когда тебя не застанет!

Миша. Спасибо вам за все, дорогая Дарья Александровна!

Обнимаются.

Борис!

Крепко жмут друг другу руки.

Эх, поговорить мы с тобой не успели! (Обнимая его, шопотом.) Ну, держись, старик. Еще все обойдется.

Боря. Ты думаешь, да?

Миша. Ну, конечно. До свиданья, Машенька.

Маша (плачет). До свидания, Михаил Васильевич! Бейте их, иродов проклятых, да приезжайте скорее...

Все выходят провожать Мишу. Несколько секунд сцена пуста. Возвращается Дарья Александровна. За ней, шмыгая носом, идет Маша.

Дарья Александровна. Вот и уехал наш Миша...

Маша. Уехал! Уж какой хороший-то! Жалко...

Дарья Александровна. Бореньку повидал, а Петра Алексеевича, может быть, какой-нибудь час не дождался. Где они? Галюша!

Галля входит вместе с Борей.

Галля. Мы здесь, мама.

Дарья Александровна (обняв ее). Родная моя, ну, что мне тебе сказать, и сама не знаю. Мне теперь кажется, что все будет хорошо, и, может быть, даже лучше, чем прежде. Я вспомнила, как нам с папой приходи-

лось расставаться на два-три года. Мы с ним только сговаривались — каждый день, в определенный час вспоминать об одном и том же, об одном таком дне, который мы запомнили на всю жизнь. И вот вспомнишь — и сразу становится легко на душе. И день проходит, как не бывало. Зато, когда я узнала, что он свободен! Что я увижу его! Когда я услышала его шаги по лестнице и голос! Когда мне стало страшно, что я умру от счастья, прежде чем он войдет...

В окно стучат. Раз, два, три. Видно, как Галя и Боря считают эти удары. Пауза. Снова стук.

Это он! Он! *(Бежит к двери.)*

Боря *(удерживает ее)*. Это не он!

Галя. Mamочка, я открою.

Дарья Александровна. Пустите меня! Да что с вами?

Галя *(в дверях)*. Мама, я прошу тебя. Это доктор. Он пошел в поселок, и мы просили его...

Дарья Александровна *(почти кричит)*. О чем вы его просили? О чем вы его просили?

Галя. Он хотел узнать... Но все это еще ничего не значит.

Колыванов на цыпочках входит из другой двери. Они его не видят.

Ты ведь знаешь доктора. Ему вдруг пришло в голову...

Боря. Mamочка, ну, хочешь пари на сто рублей, что это не папа.

Колыванов. Гони сто рублей. Это — папа.

Общий крик. Все бросаются к нему. Он смеется, обнимает всех сразу. Маша вбегает в комнату, тоже кричит что-то, потом садится на стул и плачет.

Что вы тут делали с мамой, бандиты? Почему вы ее не пукали?

Боря. А, ерунда! Это все Иван Федорович напутал. Колыванов. И он здесь?

Боря. Понимаешь, он пошел искать тебя и сказал, что постучит в окно, если ты... Если он не найдет тебя в поселке. А мы...

Колыванов. Вы думали, что я уже сыграл в ящик? Нет, черт побери, мы еще повоюем!

Дарья Александровна. Дорогой мой!

Боря. Мы с Рымшей трое суток ждали тебя у Вревки.

Колыванов. А я из Чеголей пошел прямо в город, потому что Цейтлин...

Боря. Да, да.

Колыванов. Мы надеялись, что удастся его отбить. И опоздали.

Пауза.

Ну, что ж! Мы им и это припомним.

Дарья Александровна. Миша только что уехал на фронт.

Колыванов. Да ну? Совсем поправился? Как он?

Дарья Александровна. А завтра едет Галя.

Колыванов. Постой, постой, не все сразу. Галя едет на фронт? Сестрой?

Галя. Да, папа.

Колыванов. А все-таки встретились, обнялись. Даша, не реветь, слышишь? Ну-ка, посмотри на меня...

Дарья Александровна. Не буду, не буду...

Колыванов. Черт возьми, неужели мы опять здесь, в нашем доме?

Снова стук в окно.

Галя (считает). Раз, два, три! (Удивленно.) Четыре, пять, шесть, семь...

Боря. Это Иван Федорович.

Галя. Восемь, девять, десять.

Боря (*приснув*). Он сошел с ума!

Дарья Александровна (*с беспокойством*).
Правда, что с ним?

Боря. Папа, иди сюда. Скорее, скорее!

Колыванов, смеясь, прячется за печку. В то же мгновение испуганное лицо Клубикова высовывается из дверей.

Клубиков. Я ничего не узнал и поэтому решил постучать как-нибудь иначе. Ах! Дарья Александровна, это вы? Дело в том, что я теперь, когда прихожу, всегда стучу в окно. А дверь, оказывается, была открыта.

Колыванов на цыпочках подходит сзади и закрывает ему глаза.

Что такое? Кто это?

Колыванов. Старик!

Клубиков (*отступив на шаг, протирает глаза*). Это ты! Ты!

Обнимаются.

Ну, что? А кто говорил, что все будет прекрасно?

Звуки духового оркестра доносятся издалека.

Маша выбегает на лестницу, возвращается.

Маша. Михаил Васильевич идет!

Колыванов. Кто?

Галля. Папа, сюда! (*Распахивает окно.*) Он сейчас пройдет мимо нас с батальоном.

Оркестр все ближе. Все у окна.

Дарья Александровна. Идут, идут!

Галля (*кричит*). Миша! Папа вернулся! Он жив и здоров! Ты видишь его? Вот он!

Боря. Видит! Поднял руку! Смеется! Он видит!

Колыванов. Счастливо, дорогой! Счастливо, друзья! Возвращайтесь с победой!

Оркестр все ближе, и наконец весь театр полон звуками походного марша.

1 p. 60 к.

